

A large black crow with a striking red eye is perched on a branch, looking towards the right. The background is a golden-yellow sunset sky over a cityscape with silhouettes of buildings and a church spire. The entire scene is framed by a torn paper edge.

МАША КРАМБ

НАИЗНАНКУ.
ЛОНДОН

РУНЫ НА АСФАЛТЕ

Annotation

Студентка третьего курса Соня и ее младший брат Тим приехали на учебу из Москвы в Лондон. Соня увлечена историей Англии, ей всюду мерещатся тайны и загадки, связанные с историческими событиями. Однажды ее внимание привлекли перо ворона и незнакомец с татуировкой в виде пера на шее. Соня верила в таинственную связь явлений и потому очертя голову бросилась искать новые знаки и символы. Обнаруживая их в самых неожиданных исторических местах древней британской столицы. Ни русская студентка, ни увязавшийся за нею братец Тим и не подозревали, в какую опасную игру они влипли...

Маша Крамб

Наизнанку. Лондон

Глава первая

Июль, 2016 год

Перо. Черное. С холодным металлическим отливом. Вороново перо.

Оно казалось чужеродным, неуместным здесь. Соня сидела на газоне в парке на Сохо-сквер и пила кофе. Она любила приходить сюда по утрам, пока Тим, неисправимый прогульщик, еще спал. Кофемашины у них не было, а начинать день с чая — это вообще не дело. Да и помимо кофе, в утреннем Сохо было нечто трепетное, интимное. Такой шумный по вечерам, такой яркий и полный жизни, утром район совершенно преображался. Как женщина. На людях она невозможная красotka: безупречный макияж, яркие аксессуары дополняют одежду, ножки в туфлях на высоченных шпильках кажутся ещё длиннее. Ею восхищаются, ей делают комплименты, и от этого она становится только прекрасней и притягательней для всех. Но она бывает и совершенно иной. Для кого-то одного, особенного. Может быть, не такой яркой, но теплой, нежной и родной.

Так же и утренний Сохо для Сони. Там, где ночью воздух был пропитан шумом, радостью, джином и страстью, сейчас остались лишь сонная тишина и пустота. Но без грусти, совсем наоборот. Казалось, что в эти минуты город живет и дышит только для неё одной, и Соня вся светилась и улыбалась редким прохожим и рабочим, пока шла на Нью-Оксфорд-стрит за кофе. Потом сразу в парк, где можно уже открыть «Фейсбук» и прочитать все московские новости, все-таки разница во времени имеет свои преимущества.

Сегодня Интернет сходил с ума. Каждый второй цитировал неизвестного представителя ученого совета немецкого Института полярных и морских исследований имени Альфреда Вегенера. После пятой или шестой ссылки Соня выучила громоздкое название заведения. Уважаемый дядечка в подробностях расписывал ужасы новой катастрофы: озоновая дыра над Антарктидой теперь не одинока. Её сестра-близнец растёт над Северным полюсом, и чуть ли не к концу августа нас всех ждут страшные последствия. Дядечка не был голословен и аргументы приводил солидные такие. Народ паниковал: одно дело, дальняя Антарктида и потенциальные пингвины-мутанты, и совсем другое — мы здесь. Центр космических полётов Годдарда немца поддерживал. От этого, понятное дело, паника только нарастала.

И тут вдруг это перо. Оно появилось словно из ниоткуда и упало точно Соне на колени. Рядом лениво вышагивали вездесущие лондонские голуби, ближе к дорожке стайка воробьев дралась за остатки сэндвича, но откуда ворон? Даже на ощупь перо было странным: холодным и слишком тяжелым.

Второй нарушитель спокойствия появился вслед за пером. Он был ещё более неуместен. Шёл слишком быстро, будто находился не в дремлющем лондонском боро, а в центре Москвы. Хотя в целом, если бы не противоестественная стремительность, он вполне мог сойти за местного, Лондон любит неформалов. Темные волосы до плеч, а виски коротко стриженные. Станный такой ирокез. Глаза черные, как то самое перо. Или это только кажется? Проколоты оба уха, левое в двух местах: гвоздик и кольцо. Соня внутренне фыркнула. «Тоже мне, — подумала она, — пират нашелся». Чёрная футболка, черные джинсы, казаки. Господи, кто в эпоху кефов носит казаки? Весь этот чёрный вихрь целенаправленно подошел к Соне и резко остановился прямо над ней.

— Чёрт, опоздал. Извините, — произнес он, наклонился и выхватил у Сони перо.

Совершенно не к месту подумалось: «Какие теплые и мягкие руки, у него не может быть таких рук». На шее незнакомца за правым ухом Соня разглядела татуировку, чёрное перо. Грех тут было не вспомнить Алису: всё страньше и страньше.

— Ещё раз извините, — так же отрывисто и сухо повторил незнакомец.

Соня не успела даже ответить традиционной английской вежливостью, как мужчина развернулся и так же стремительно, как появился, двинулся к выходу.

— Но постойте! — Соня обращалась исключительно к удивленным голубям. Даже спина незнакомца успела скрыться в переулках Сохо.

— Это вот что сейчас было? — Диалог с голубями как-то не складывался. Они утратили всякий интерес и к незваному гостю, и к ошарашенной девушке.

Соня никогда не страдала недостатком любопытства. Её не пугала перспектива расстаться с носом, ибо, к счастью, имя Варвара не показалось родителям привлекательным на момент Сониного рождения. Когда же она узнала знаменитое английское «от любопытства кошка сдохла», лишь пожала плечами и порадовалась, что она не пушистая и не хвостатая.

Так что же это сейчас произошло? Кто это был? Почему он сказал, что опоздал? И куда он так торопился? Зачем ему перо? И откуда оно тут вообще? Вопросы возникали со скоростью тридцать три шпуги в минуту, а ответы брать было негде. Так, ладно, одна загадка зараз. Сначала было перо, на нем и сосредоточимся. Соня отдавала себе отчет в том, что она ни разу не орнитолог и знает о воронах только то, что ворон и ворона — это разные виды, хоть и сильно родственные. Ну, пожалуй, что они хищные ещё. И умные. Только ленивый автор многочисленных фэнтези, которые Соня читала захлеб, не вставлял в сюжет ворона. Они приносили вести с того света, были вечными спутниками магов, колдунов и прочих ведьм. Ожидаемо в голове закрутилась упадническая «Черный ворон, что ж ты вьешься над моею головой». Запоздалый привет от семейных застолий из детства.

— Очень мне это сейчас поможет, — рассердилась на себя Соня.

Стоп! Он же там помирал в этой песне вроде. Или нет? Гугл — сила. Быстрый запрос текста песни. Так, добычу себе чаешь... я не твой... смертельную рану... обвенчальна была сваха... (мама дорогая, и ведь так когда-то разговаривали) сабля острая моя... смерть моя приходит... Вот! Точно, он умер, а ворон — вестник смерти. И ведь не только в этой песне. На первом курсе на страноведении Юлия Фёдоровна рассказывала легенду об Англии и воронах. По спине Сони пробежали мурашки.

По легенде, впервые ворон появился в лондонском Тауэре в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году, когда целых девять дней правила Джейн Грей. Удалась у барышни карьера, куда деваться! Даром что вскоре после этого её благополучно казнили. Следующим проверил на себе губительную силу воронова проклятия герцог Эссекс, фаворит Елизаветы. История, буквально леденящая кровь: находясь в заточении в ожидании приговора, герцог увидел огромного черного ворона, клювом постучавшего в окно Эссекса, пристально посмотревшего в его глаза и трижды прокричавшего знаковое «Виват!». Спустя несколько дней герцога казнили. Ворон злоеще наблюдал за казнью. «Интересно, а кто определял степень злоещести воронова взгляда?» — отвлеклась Соня, но быстро взяла себя в руки и мысленно вернулась к пернатым.

После этого вороны навещали всех смертников. Дальше все туманно вплоть до XVII века, когда Карл II издал указ, согласно которому Тауэр должен постоянно содержать шесть особей черного ворона. Карл был убежден, что если последний ворон покинет Тауэр, то

падет и замок, и Лондон, и британская монархия в целом. Жуткие средневековые страсти.

Впрочем, все последующие поколения всецело разделяли эту веру. Со временем они даже стали жульничать: тауэрским воронам начали подрезать крылья. Так что обречь Британию на гибель, при всём желании, ни одному ворону не удастся. Однажды, правда, случился дерзкий побег. В восьмидесятые годы прошлого века ворон Грог сбежал и был обнаружен рядом с заведением общественного питания. Видимо, кормили тогда в Тауэре не очень.

Сохо, конечно, славен своими ресторанами, кафе и всяческими едальнями, а в некоторых, вроде «Бургер и Лобстер», можно больше часа ждать свободный столик, но вряд ли современные тауэрские вороны такие гурманы и любители морепродуктов. Да и набережная, где стоит крепость, не за углом от Сохо-сквер. К тому же новых сообщений о пернатых беглецах не было, и перо точно не могло проделать такой путь. Что-то здесь было не так.

Но Соня не перо, и она отлично могла доехать до Тауэра. Наверное, тому, кто никогда не увлекался квестами, решение девушки показалось бы крайне нелогичным, да и вообще ребяческим, но для Сони всё было очевидным: перо, ворон, легенда, Тауэр, надо ехать! Вы когда-нибудь играли в компьютерные квесты? А в модные в последнее время квесты в реальности, когда у вас есть час, чтобы решить все загадки и выйти из закрытой комнаты? Если да, то вам знакомо то щекочущее чувство, когда осознаешь, что вот эту штуку надо вставить вот в это отверстие, и всё заработает. Когда видишь невзрачную мозаику в углу и точно знаешь, что она ключ к загадке в книжке из-под кровати. Когда находишь в подвале серебряную брошку с кошачьим профилем и понимаешь, что она откроет дверь на чердак. А если не знакомо, ну что же, вам точно стоит разок сыграть.

Соня чувствовала, что перо и Тауэр — это два отлично подходящих друг к другу кусочка пазла. Маленькие чертенята внутри уже тянули её в сторону станции метро «Тоттенхем Корт Роуд». Ведь там, через пять станций и одну пересадку, ждал следующий кусочек пазла. Недопитый кофе остался на газоне. Кто знает, может, один из флегматичных голубей окажется страстным любителем капучино без сахара. То-то обрадуется пернатый гурман.

* * *

Как бы сильно Соня ни любила Лондон, туристических мест она всегда старалась избегать, в отличие от Тима, которого тянуло туда как магнитом. Зная город лучше любого местного, он получал прямо-таки колоссальное удовольствие, стоя напротив Вестминстерского аббатства и фотографируя Биг-Бен со скоростью шестьдесят кадров в минуту. Его любимая фотка «Я и Черчилль», со статуей премьер-министра на плече, собрала уйму лайков в Сети, и он радовался, как пятилетний. Тим говорил, что город, полный туристов, дает ему больше энергии. Все эти люди вокруг словно делятся с ним своими эмоциями. Он каждый раз смотрел на Лондон их глазами, и город открывался ему по-новому. Соня же совсем наоборот. Людское море вокруг, казалось, скрывает от неё её город. Ей было душно, хотелось сбежать на набережную, туда, в сторону Фуллхема, куда туристы уже не добирались, а местные появлялись только на пробежке.

Сегодня же всё было по-другому. Выйдя из подземки на Тауэр-хилл, она вместе со всеми устремилась к главному входу в крепость. Если обычно девушка чувствовала себя маленьким

листочком, который толпа несет вопреки желанию, то сейчас она была чуть ли не парусником, гордо реющим по волнам. Каждый голос рядом, каждое случайное прикосновение усиливало её внутреннее возбуждение и нетерпение. Даже длинная очередь в кассы никак не повлияла на Сонин боевой настрой: она была Джил Валентайн из классической Обители зла, Кейт Уокер из Сибири или на худой конец Ларой Крофт на пороге неисследованной гробницы. Но очередь и впрямь была длинной, и от переизбытка энергии хотелось подпрыгивать на месте. Надо было себя чем-то занять, отвлечься. Телефон. Интернет. Гугл. Итак, что же искать в Тауэре?

Строительство началось в XI веке под руководством Гандальфа, епископа Рочестера. Серьёзно? Властелин колец какой-то. Белая башня практически сразу стала тюрьмой. Ага, а вот и первый побег. Ранульф Фламбард, обвиненный в связи с нечистой силой, дерзко сбежал при помощи веревки, переданной в бутылке вина. Заключенные. Казни. Снова заключенные. Снова казни. Многочисленные жены Генриха VIII. Ага, вот и Джейн Грей и первый ворон. Оказывается, страноведение в институте не прошло мимо, Соня помнила больше, чем Википедия. Дальше шли страсти. Первая мировая война и одиннадцать расстрелянных немецких шпионов. Вторая мировая, бомбардировки и лишь один выживший ворон. Интересно, хоть что-то менее кроважное тут происходило? Пятьсот лет в Тауэре размещался монетный двор. Лондонский зоопарк зародился тоже тут. Королевские регалии. На этом с позитивом всё. Более тысячи погребенных. Ворота изменников. Бифитеры. Они, кстати, очень даже ничего, а их парадные камзолы сумасшедше прекрасны.

Ладно, это всё лирика. Важны вороны. Первый появился перед казнью Джейн Грей. Она была одной из семерых, кого казнили непосредственно внутри самого Тауэра, а не на холме. В заключении её держали в Белой башне, значит, туда и надо идти. Вряд ли удастся найти то самое помещение, где Джейн провела последние часы, но если в крепости и есть подсказка, то только в самой башне.

Вот и очередь подошла к концу. Соня посмотрела на билет и застыла, едва отойдя от кассы. «Ваш билет в прошлое», такая надпись змеёй тянулась из одного угла в другой. Да, это был просто удачный рекламный ход для туристов. Судя по всему, так были оформлены все билеты в исторические королевские замки. Но Соня, как говорил Тим, когда они не первые сутки пытались найти решение особенно заковыристой загадки в очередном квесте, уже «почувствовала логику игры». Ничто не казалось ей случайным, и надпись на билете лишь подтвердила, что решение идти в самую глубь лондонской истории, в Белую башню, было правильным.

— Извините, вы проходите? — Сзади стояла пара улыбчивых старичков, судя по акценту, немцев или австрияков.

— О да, конечно! Простите, что помешала, — затараторила Соня.

— Не стоит беспокоиться. А вы тут тоже впервые?

Дедушка оказался весьма словоохотливым.

Они уже перешли ров и оказались внутри крепости.

— Эм-м, не совсем. Ну, почти. Я была в Тауэре лет десять назад, ещё когда в школе училась. Но мало что помню.

— Это чудесно! Может, вы нам подскажете?

Соне совсем не хотелось болтать, даже с такими милыми старичками, да и Белая башня была уже совсем близко. Ей страшно не терпелось поскорее попасть внутрь, но туристы смотрели на неё с такой надеждой, что невозможно было отправить их разбираться в

«Информацию» или самостоятельно искать дорогу.

— Ну, я не специалист, но попробую.

— Понимаете, — пояснил старичок, — моя жена страстно увлекается старинными церквями. Куда бы мы ни приезжали, обязательно заходим в каждый собор, церковь, церквушку, часовню, что нам попадаются. И зачем их столько в Европе понастроили?

— Франц! — Бабулька, оказавшись весьма резвой, пнула супруга под ребра с такой ловкостью, будто всю жизнь занималась восточными единоборствами. Хотя, кто знает, может это только на вид она столетний одуванчик.

— Так вот, — продолжил нимало не смущенный немец, который, видимо, привык к суровому обращению и тычка не заметил, — Анна прочитала в Интернете, что где-то тут есть часовня или капелла Св. Иоанна. Она очень старая... Дорогая, я о часовне, а не о тебе! Да, отвлекся, часовня эта чуть ли не единственная из сохранившихся нормандских построек XI века в таком идеальном состоянии... Видите ли, это редчайший памятник. При её строительстве использовалась...

Соня успела подумать, что зря поддалась очарованию этой пары. Она была совсем не готова слушать лекцию по истории нормандской архитектуры.

— Франц, не углубляйся в детали, — выручила ее старушка.

— Да, конечно, к сути. Проблема в том, что мы не можем найти, где она находится, — наконец пояснил старичок и протянул Соне красочную карту Тауэра, с фотовыносками, иконками с подсказками и фактами из серии «Таинственный Тауэр и его обитатели».

Уже не первый раз за это утро у девушки внутри всё замерло. Ну, конечно! Часовня! Её строили вместе с замком, и в ней за последние десять веков наверняка было выслушано столько грехов и тайн, сколько не найдешь ни в одной хронике и ни в одном архиве. Вот что искала Соня в Белой башне! Странно, но на карте её действительно не было.

— Вот, смотрите, мы здесь, — говорила девушка и водила пальцем по карте, как заправский экскурсовод, — если пройдете через эти ворота, вы попадете во внутренний двор. Там замок, Белая башня. Вот она. Надо будет подняться на второй, нет, на третий, нет, все-таки на второй... Нет, точно не помню. В общем, надо подняться на один-два этажа, и там будет часовня. Когда я была здесь в прошлый раз, она была закрыта, но, надеюсь, нам с вами сегодня повезет.

— Нам точно повезет, милая, спасибо большое, — Анна слегка потрепала девушку по руке, — ты беги, дальше мы справимся сами.

— Хорошо вам погулять, — почти прокричала Соня, покидая немцев. Любопытство бежало впереди девушки, увлекая её за собой.

Часовня оказалась на третьем этаже.

Удивительная в своей простоте: ни украшений, ни мозаичных окон, таких привычных в готических соборах. Только массивные круглые колонны, поддерживающие арки. Но если приглядеться, резные капители наделяют каждую колонну собственным характером. Верхняя сводчатая галерея будто парит над более громоздкой нижней. Чем дальше находишься в часовне, тем менее суровой она становится.

Соня прошла по аркаде, окружающей часовню, украдкой дотрагиваясь до камней, бывших свидетелями многовековой истории Тауэра. Эта анфилада из арок и колонн больше напоминала зеленые парковые аллеи, за которыми приглядывает строгий, но заботливый садовник, нежели церковный свод. Новая арка, новые ворота в (как там было на билете?) историю, в прошлое. Если закрыть глаза и прислушаться, можно различить шепот,

доносящийся сквозь столетия, и детский плач: это два маленьких принца, зверски убитых в замке. Можно услышать безудержные рыдания гордых королев. Звучные проклятия благородных пленников. И крик ворона.

Соня вернулась к реальности. Надо искать. Может, на каком-нибудь камне осталась нацарапанная надпись? Может, кто-то из мастеров оставил скрытый барельеф? Или ответ кроется в кладке? Ничего. То есть совершенно ничего. Девушка исследовала каждую колонну, арку, оконный проем и решетку. На сами окна можно было не обращать внимания, они-то были современными. Главное, не впадать в отчаяние. Если нет подсказок в деталях, значит, сама часовня — одна большая подсказка. Кроме колонн и арок, в ней нет ничего. Надо найти точку, с которой видно их все. Только сейчас Соня поняла, что ей отчаянно не хватает Тима. Он куда как лучше её решал загадки, находил логику и связь там, где ей виделся лишь набор разрозненных элементов. Значит, придется фотографировать. Вот прямо всё подряд: общий вид, каждую арку, отдельно узоры, завитки и листочки капителей.

Телефон завибрировал. Хорошо, что у Сони всегда выключен звук, звонок здесь звучал бы кощунственно. Ха, лёгок на помине!

— Здорово, мелкий! Слушай, ты не поверишь...

— Ты вообще где? — грубо перебил её брат. — Какого лешего ты меня не разбудила?

— В смысле, не разбудила? А сколько сейчас... времени...

Конец фразы прозвучал в пустоту: телефон предательски разрядился.

* * *

Домой Соня неслась, как ужаленная. Бегом до подземки, не останавливаясь, вниз по эскалатору. Краем глаза успела заметить, что линия сегодня работает хорошо, значит, долго поезда ждать не придется. Быстрее. На платформе стоял поезд, Соня запрыгнула в вагон сквозь закрывающиеся двери. Всплеск адреналина: что это за линия? Выдохнула. Тут же до пересадки одна остановка, любой довезёт. Переход. Пригодились навыки передвижения по московскому метро в час пик. Не бежать, но при этом обгонять всех вокруг, лавируя между восторженными туристами и умиротворенными местными. Всё, финишная прямая. Следующий поезд через две с половиной минуты. Сто пятьдесят секунд. Тысяча один, тысяча два, тысяча три... Соня считала, только чтобы не думать. Вот и поезд. Больше считать было нечего, теперь совесть принялась мучить девушку с упоением бывалого инквизитора.

«Тимоха меня прибьёт. И будет прав», — думала она, забыв, как сильно младший брат злится, когда она называет его иначе, чем Тим. Ему никогда не нравилось ни полное Тимофей, ни производные вроде Тимохи или Тимоши. Только Тим. Сказывалось и то, что каждое лето родители отправляли их обоих в Лондон. Сначала в международные лагеря, а потом, когда Соня поступила в институт, Тим учился на летних курсах, а сестра присматривала за ним, не давая прогуливать слишком уж много. Поэтому мелкий и вырос в разношерстной компании иностранцев, которым сложно было выговаривать традиционное русское имя, и парень стал для них среднеевропейским Тимом. Так и прижилось.

Обычно после утренней прогулки Соня возвращалась со свежим горячим кофе для брата. Будить его было сущей мукой. Даже встав, Тимоха не сразу просыпался, бродил по их крошечной квартирке, обивая углы и косяки. Если кому понадобится проиллюстрировать статью на тему «Типичные совы», лучшего экземпляра не найти.

Злился Тим не от того, что сестра его не разбудила и он проспал первое, а при удачном стечении обстоятельств и второе занятие. Злился он из-за того, что переживал за неё. Никогда и ни за что он не признал бы этот факт. Конечно, переживает у них только мама, трясется над ними, как над маленькими, несмотря на то, что Тимофею на следующий год уже поступать, а Соня вот только что без хвостов закрыла сессию и стала студенткой третьего курса. Но на самом деле он ужасно беспокоился за сестру, и каждый раз, когда благодаря своей безалаберности она влипала в очередную историю, парень места себе не находил. Пусть он был младшим братом, потребность защищать «маленькую папину принцессу» была у него развита чуть ли не сильнее, чем у отца.

Соня всё это прекрасно знала, и её внутренний инквизитор торжествовал, безжалостно терзая девушку.

— Я проснулся. Времени до фигища, а тебя нет. Записки нет. И между прочим, твоя идея была купить эту чертову грифельную доску! Ах, она такая прекрасная, такая английская! Представляешь, как будет клёво оставлять на ней записки! Мелом. Прямо как меню в пабах.

Чего уж тут, передразнивал сестру Тим отлично.

— Так вот и какого, спрашивается, мы каждый год таскаем её туда-сюда, если ты всё равно ею не пользуешься?! Эсэмэску написать, видимо, тоже не судьба. Это же все пальцы устанут. Разом. А стоит тебе позвонить, как телефон моментально умирает! Ты знаешь, что вот это такое? Вот эта маленькая беленькая плоская штуковина? Это портативная зарядка. Их тут ровно три штуки. Хотя бы одну можно было с собой взять? В конце концов, кто из нас ответственная старшая сестра?

Вот так представлялся Соне монолог брата.

Ошиблась она не сильно. Может, чуть больше непечатных слов, а в целом всё очень точно.

Протестовать и оправдываться было бессмысленно. Надо было лишь переждать бурю, сокрушенно кивая, и не забывать виновато вздыхать. Тима хватило минут на десять.

— Ладно, я понял, это всё разговоры в пользу бедных. Тебе же, очевидно, надо что-то мне рассказать. Давай уже, пока тебя не разорвало на уйму маленьких Сонек.

Все-таки он отличный младший брат!

Соня рассказывала долго. Во всех деталях, отчаянно жестикулируя, чему не помешали даже малые габариты квартиры, пара сбитых чашек не в счет. Тим слушал, не перебивая. Во-первых, это было бесполезно: если уж его сестра начинала говорить, то у собеседника не оставалось шанса вставить даже междометие. А во-вторых, совершенно бессмысленно: всё равно, пока она не выговорится, отвечать на вопросы не начнёт. Проверено. Кульминация была близка: с горящими глазами Соня протянула брату судьбоносный билет. История добралась до часовни.

— Вот, смотри, я тебе всё сфотографировала, — закончила она и триумфально извлекла телефон из сумки. Эффектной демонстрации не получилось: гаджет по-прежнему был разряжен.

Тим молча протянул ей зарядку. Наступила тишина. Похоже, словесный поток иссяк.

— Ты, главное, никому больше об этом не рассказывай.

— Да почему? За этим же явно что-то скрывается! Ты не можешь это отрицать!

— Очень даже могу. Согласен, мужик был странный. Но мало ли у людей тараканов в голове водится? Может, он фанат перьев.

— Но куда он опоздал? К моменту отделения пера от несуществующей птицы? — не

сдавалась девушка. — Я тебе клянусь, там были только голуби и мелочь всякая пернатая.

— Отвернись!

— Зачем?

— Просто отвернись.

Тим умел быть очень настойчивым.

— Какая на мне футболка?

— Серая. Аберкромби, — поворачиваясь обратно, фыркнула Соня.

И тут же осеклась. Рубашка. В мелкую клетку.

— Это вообще ничего не доказывает! Я же специально птиц рассматривала.

— А меня ты «рассматриваешь» минут тридцать как. И давай начистоту, Соня Зоркий

Глаз — это прям вот не про тебя.

— Ну и пусть! Но скажи мне, сколько черных воронов ты видел рядом с домом за последние... не важно в принципе, сколько ты их тут видел?

Возразить было нечего. На самом деле при всей непохожести брата и сестры кое-что их объединяло: неуёмное любопытство и любовь к квестам. В глубине души Тим загорелся ничуть не меньше сестры, но кто-то должен был сохранять хладнокровие и следовать элементарной логике.

— Хорошо, согласен, перо странное. Мужик тоже. И я даже понимаю, что тебя понесло в Тауэр. Но ты же сама говоришь, что ничего там не нашла. Сонь, у тебя же есть мозг. Ты им даже пользоваться умеешь. Это было просто маленькое приключение. Проехали.

— Нет! — возмутилась Соня, которая никогда не страдала излишней покладистостью. — Ты не понимаешь! Тебя там не было. Я слышала этот чёртов шёпот в галерее! И ворона слышала. И там всё не так просто. Эта часовня, она как... я не знаю... как будто она сама по себе, не часть этого мира.

— Ты себя вообще слышишь? Часть какого «не этого» мира? Даже для тебя это чересчур.

— Посмотри хотя бы фотки, а?

Проще было согласиться, чем спорить с ней.

— Давай сюда своё Средиземье.

— Очень смешно!

Арки. Арки смотрели на Тима из телефона с неменьшим укором, чем сестра. Похожие на воздушные ворота арки. Даже на экране смартфона часовня завораживала. Такая незамысловатая, но какая же величественная! Пожалуй, оставим эмоции барышням.

— Предположим, только предположим, что ты права. Если перо — это ключ к часовне, то часовня должна быть ключом к чему-то ещё. Так?

— Ага.

Соня затаила дыхание, боясь спугнуть удачу. Он ей поверил! Пусть и не признаёт этого, но главное, что поверил.

— Давай-ка мы это дело увеличим, фотки из жизни микробов нам никак не помогут.

— Ок, давай так, ты пока скинь фотки, ну, посмотри, может, тебя осенит, а я сбегаю за кофе, ага?

— Угум, — пробормотал Тим, погружившись в ноутбук.

Всё, он окончательно попался.

Соня повторяла утренний маршрут. Она не торопилась. Как бы ей ни хотелось погрузиться в загадку, стоило подождать. Чем дольше Тимоха просидит один на один со своим ноутбуком, тем больше вероятность, что он до чего-нибудь докопается. Мельтешение

сестры его бы только отвлекало. Этого никогда не могли понять родители. Они старались дать сыну как можно больше, отправляя в секции и клубы, лишь бы «мальчик всесторонне развивался». Надо сказать, развивался Тим с переменным успехом. Взять хотя бы тот же английский. Сколько мама ни находила ему репетиторов, толку было ровно ноль, пока они не попали первый раз в английский лагерь. Тимоха оказался предоставлен самому себе, сестре явно было не до него, никакого контроля, никакого давления. И ему наконец-то понравилось. Он сам бегал на занятия, сам вызывался участвовать во всевозможных проектах. За одно лето он заговорил на языке. Потому что один, потому что сам, потому что его оставили в покое.

Тихонько открыв дверь, Соня заулыбалась. За полчаса её отсутствия братишка развернул дома настоящий штаб: распечатанные фотки часовни, полстены обклеены стикерами с понятными только ему каракулями, какие-то то ли рисунки, то ли чертежи, и в центре всего этого упорядоченного хаоса сидит взъерошенный Тим и смотрит в экран.

— Держи кофе, гений.

— Угу, погоди, пять сек, я почти готов. И дай сюда ещё раз свой билет.

— Ты что-то понял? У тебя есть идея?

— Да, не мешай, билет давай.

Соня ещё раз взглянула на кусочек картона. Что его могло так заинтересовать? Ваш билет в прошлое, лондонский Тауэр, цена, бар-код, дата, время. Что же? Но как бесполезно было перебивать Соню, когда ей надо высказаться, точно также нет ни единого шанса вытянуть хоть словечко из Тима, пока он не готов. Ожидание стоило результата.

— Значит, так, либо я тоже не в себе, либо ты была права. Я не стал копаться в легендах о воронах и Тауэре, тут я тебе на слово верю. Связь однозначно прямая. Вряд ли кто абсолютно нормальный на это купился бы, но мы же с тобой не претендуем, да? Тут ещё надо помнить, что воронов считают проводниками. Они типа кошек, не видят разницы между реальным миром и потусторонним.

— Эм-м, а тебя не заносит?

— Нет, слушай, нам не обязательно верить в призраков, идея в том, что люди веками в это верили. Так, где же это? Вот, из кучи стикеров был выбран один с надписью «ворон — проводник», на, держи, тебе для наглядности.

Соня начала складывать собственную мозаику.

— Если ворон — проводник, то часовня должна быть воротами.

— Воротами куда? — не выдержала Соня.

— Ты можешь просто слушать, а? Воротами в не знаю пока куда. Но эта теория провалилась. Будь часовня каким-нибудь порталом, люди пропадали бы там пачками. В Средние века всё списали бы на нечистую силу, но сейчас? Ты представляешь себе исчезающих туристов в сердце Лондона? Я — нет. Значит, часовня — это что-то иное. Дальше я опять поверил тебе на слово, что никаких указателей внутри нет.

— Тимош, я тебе клянусь, если только капители своего рода шифр.

— Ещё раз назовёшь меня Тимошей, будешь дальше думать сама! — привычно огрызнулся парень, — не думаю, что дело в капителях. Из семи миллионов твоих фоток («Чья бы корова мычала, кто из нас ещё больше фоткает», — тихонько пробурчала Соня) я сложил вполне себе достойную копию часовни. Все эти украшения ни больше ни меньше, чем узоры. Забудь. Ты вот лучше сюда посмотри.

Из кипы распечатанных изображений были выбраны только общие виды. Судя по всему,

помимо Сониных, там были и другие фото из Интернета.

— Ну-у-у, арки, — протянула Соня голосом, в котором не было уверенности, — много арок.

— Точняк! Арка — это схематические ворота. На вот, — бросил Тим, и очередной стикер дополнил Сонину коллекцию, — всем своим видом часовня просто кричит: «Ворота!»

— Но ты только что сказал, что это провальная теория.

— Я сказал, что сама часовня не может быть физически воротами. Но! Много веков там отпевали бесконечных покойников, надо отдать им должное, мёрли..

— Нет такого слова.

— Не важно. Мёрли там все, как мухи. Ну, подумай сама. Смерть — это переход в иной мир. Отправляются все в этот мир из часовни, то есть она-таки является метафизическими воротами.

— Супер. И что нам это дает?

Соня по-прежнему не видела, куда это может привести.

— Нам это даёт жирнющий намёк на то, что искать надо ворота. Реальные ворота.

— Ты представляешь, сколько в этом городе ворот? Примерно?

— Не представляю. Слушай, я тебя перебивал?

Соня демонстративно «застегнула» рот на молнию, закрыла воображаемым ключом и отдала его брату.

— Вот, хорошая девочка. Однозначно ворот тут тьма. Но перо связано с Тауэром, а следовательно, и часовня должна как-то отсылать к конкретным воротам, на крайняк, к арке. Если честно, тут я завис. Дома, дворцы и любые строения нам не подходят. По той же причине, что и сама часовня не может быть воротами. Также отмечаем входы в парки, сады и в старые станции метро. И получаем дырку от бублика. Мы ищем ворота, через которые никто не ходит. И ещё, мне кажется, что они должны быть на реке, просто потому, что сам Тауэр стоит на реке. Но не факт, это так, в порядке бреда. А ещё эти арки, они же тоже эдакие ворота в никуда, особенно на этой фотке, смотри, — сказал Тим и протянул очередную распечатку.

— М-м-м, м-м-м, — ответила Соня. Забавно, но не понятно.

— Что? — переспросил Тим и невольно улыбнулся.

— М-м-м, м-м-м, м-м-м, — Соня всячески пыталась донести идею, что говорить она не может.

— Ох ты ж, господи, ключ, да? Детский сад на выезде, — проворчал брат, и воображаемый ключ благополучно вернулся к девушке.

— Конец света!

— Глубокомысленно.

— Да нет же! Конец света — это жилой комплекс. А изначально — район. Открой карту, приблизь район Челси туда, ближе к набережной, — пояснила Соня, к которой опять вернулось утреннее нетерпение. — Дай, я сама. Вот. Ты не поверишь, что там есть. Сады Креморн. Где-то тут должен быть вид глазами пешехода.

— Здесь нажми. Вот, тащи этого человечка.

— Готов? Чёрт, так не работает. Сейчас, вот.

Настала очередь Тима терять дар речи. Он смотрел на совершенно удивительную штуку. Посреди сада стояли ворота. Одни ворота. Отдельно от стен. Огромные, кованые, с гербами

и английскими львами. Их словно взяли где-то в другом месте и насильно поместили сюда.

— Это как?

— На самом деле тут всё не так уж и зловеще. Концом света этот район назвал какой-то из Яковов. Типа там заканчивалась дорога, и, по его логике, заканчивался и свет или мир. Мрачненько и со вкусом. В общем, дорогу они там долго не строили, да даже и сейчас, если ты посмотришь на карту, дороги никакой нет. Не надо на меня так смотреть, ты меня пугаешь!

— Я уже готов поверить, что...

— Даже знать не хочу! Не нагнетай, мне и так не по себе. Короче, с дорогой не сложилось. Потом какой-то дядька разбил там сад, но тоже ненадолго. То ещё местечко, как я понимаю. А теперь там есть эти ворота. Тимох, мы точно их ищем! Понимаешь, там такой садик прекрасный, но совсем нет людей. По-хорошему, популярное должно быть место, гуляй — не хочу: река, зелень. Но вот не ходят туда люди. Хотя, с другой стороны, я же столько раз там бывала. Если это ворота в куда-то ещё, то почему я всё ещё здесь?

— Это как раз просто, — поторопился объяснить Тим, — когда я застрял на поиске ворот, я решил, что надо зайти с другой стороны. Часовня выглядит слишком математически выверенной. Вряд ли это случайность. Я начал сравнивать все фотки, какие были. Что ты видишь?

— Ты уже спрашивал. Я вижу много арок.

— Сколько?

— Вот ведь, — воскликнула Соня, мысленно отругав себя, — я их не посчитала. А идея здравая.

— Не переживай. Дело даже не в том, сколько их там на самом деле, дело в том, сколько ты можешь увидеть зараз. Считай.

— Одиннадцать на каждом ярусе.

— Теперь здесь.

— Одиннадцать и одиннадцать. Ты хочешь сказать?

— Именно. Максимум, что влезает в любой кадр — одиннадцать арок на первом ярусе и столько же на втором. Я тебе больше скажу, Тауэр построен, и часовня вместе с ним, в XI веке. А теперь смотри на свой билет.

Время продажи 11:11:11.

Оба замолчали. Первой нарушила тишину Соня:

— Идея в том, что ворота срабатывают в 11:11:11, да?

— Ага. Первый ряд арок, второй ряд арок и век постройки. А специально тебе, как самой наблюдательной, подсунули этот билет, ну, чтобы уж наверняка.

— Что значит «подсунули»?

— Я образно, — энтузиазма в голосе Тима заметно поубавилось.

Диалог снова затух. Почему-то не наступало удовлетворение от решенной загадки. На обоих что-то давило. В игре это всегда было круто, а в жизни оказалось совсем иначе. Вместо ожидаемой эйфории пришла тревога, и в ней было намешано много всего: неуверенность в правильности хода мыслей, боязнь ошибиться, опасение, что всё так и есть на самом деле, страх неизвестности, необходимость принять решение и как-то действовать дальше.

Снова Соня оказалась первой.

— Так, хватит, — сказала она. — Всё это чудесно. Мы просто заигрались. Я

расфантазировалась, ты меня поддержал. Но теперь достаточно! Убираем всё это. А лучше выкидываем!

— Но, Сонь, может, того? Что мы теряем?

— Ты о чем? Всё, проехали!

Сделать вид, что не поняла, о чем говорит брат, казалось Соне самой правильной идеей.

— Сегодня ты уже прогулял учёбу, так что давай дуй в магазин, я что-нибудь приготовлю. Потом дойдем до Одеона, выберем самый идиотский фильм и забудем об этом.

Соня практически вытолкала Тима за дверь. Когда он вернулся из магазина, ничего в комнате не напоминало о дневных изысканиях: распечатки, стикеры — всё исчезло. Из ноута пропали все скачанные файлы, даже история браузера была почищена.

* * *

Поели в унылой тишине. Тим без привычных пререканий помыл посуду. Добрели до кинотеатра. Соня выбрала романтический фильм, брат не возражал. Оба смотрели на экран, совершенно не вникая в суть происходящего. Лишь когда главные герои устроили пикник в парке и в кадре промелькнула пара черных ворон, парень с надеждой посмотрел на сестру. Та сидела, не шелохнувшись, глядя строго перед собой и полностью игнорируя немой вопрос. Всё в том же гнетущем молчании вернулись домой. Наступила ночь.

Утро не принесло облегчения. Соня проснулась в состоянии вчерашней подавленности. На полном автомате дошла до ближайшего Теско. Купила кофе и почему-то пирожных. Своеобразный праздничный завтрак, только праздновать им было нечего. Разбудила брата. Снуло сжевали лакомство.

— Я пошёл? — произнес Тим чуть ли не первую со вчерашнего дня фразу.

— Угу, счастливо. Увидимся после обеда, — ответила Соня, не поворачиваясь к брату.

Хлопнула входная дверь, и девушка дала волю чувствам. Журнал, который Соня бездумно листала, полетел в стенку. Его догнала подушка. Вторая. Ураган пронесся быстро, и девушка рухнула на диван, закрыв лицо руками. Едва она ослабила внутренний контроль, как в голове завертелось: «Чёрт, опоздал. Извините... Джейн Грей... Виват!.. Когда последний ворон покинет Тауэр... ваш билет в прошлое... арки... дело не в том, сколько их там на самом деле... одиннадцать... Конец света... одиннадцать... проводник в иной мир... ворота в никуда... в Средние века всё списали бы на нечистую силу».

— Хватит! — неожиданно для себя Соня прокричала это в полный голос.

И ведь подействовало. Интересно, а говорят, что разговаривать с самим собой — плохой признак. Встав перед зеркалом, она обратилась к взлохмаченному чуду напротив:

— Вот почему ты такая трусиха, а? И за что так досталось мелкому? Он влез в твою бредовую историю, поверил в неё, помог. А ты всё испортила. В конце концов, что изменится, если вы туда съездите? Просто убедитесь, что ты невозможная фантазерка.

Отражение улыбалось.

9:50 Вот же ж ёлки! Почему нельзя было устроить сеанс самотерапии на часик пораньше? Трубку Тимоха не брал. У него сегодня первым занятием Джессика, а она та ещё мегера. Ладно, если сильно поспешить, то минут за десять можно добежать. Должны успеть! Соня летела сквозь Сохо. Развевающиеся несобранные волосы можно было принять за причудливые птичьи крылья.

9:58 Ни недоумение барышни на ресепшене, ни строгий взгляд Джессики не остановили порыв Сони.

— Поехали! — произнесла она на выдохе.

Тим не колебался ни секунды. Лишь в дверях замешкался, извинился перед преподавателем. Если в местных вежливость проникает с молоком матери, то интересно, как она попадает в приезжих? Страшно своевременный вопрос! По дороге они не разговаривали. Что тут было обсуждать? Главное, успеть. Скорее в метро.

10:20 Переход на линию Дистрикт. Не повезло. Поезд до Уимблдона через семь минут. Времени в обрез. Брат пришел на помощь:

— Эй, расслабься. Мы успеем. Ты так дергаешься, что от тебя люди шарахаются. Тебе надо отвлечься. Вот ты знаешь, где мы сейчас находимся?

— В смысле, где? На Южном Кенсингтоне.

Соня не была расположена разговаривать. Мысли перескакивали с одного на другое, и она никак не могла зацепиться ни за одну.

— Точняк. Но мы же в Лондоне, тут на каждый квадратный километр приходится минимум по одному призраку. Так вот, здесь, на этой самой станции, произошло необъяснимое. Лет пятнадцать назад в конце обычного рабочего дня состав с машинистом отправился в депо и бесследно пропал после того, как въехал в этот самый тоннель. С тех пор на станцию временами приезжает поезд-призрак. Если сесть в него, то никогда уже не вернешься обратно.

— Жуть какая! Откуда ты знаешь, что в этот самый тоннель?

— Ну, может, и в тот. Но так было драматичней.

Тим скорчил зловещую мордашу.

— Есть такое дело, — поддержала Соня. — О! Вот и наш поезд. Надеюсь, он обычный, не призрачный.

10:40 Доехали. Снова бегом. Мимо кладбища, туда, правее, к реке, к саду. Уже абсолютно точно они успевали. Как и предполагала Соня, в саду не было ни души. Они стояли вдвоем прямо перед воротами, огромными, черными, величественными. Четыре золотые львиные морды на кованых решетках: две большие пониже и две маленькие там, выше, ближе к небу. Сверху английский герб, если Соня правильно помнила из курса всё того же страноведения, времен королевы Виктории. Колонны по бокам такие же черные, строгие, без излишних украшений. На каждой по одной золотой розе. Может, кстати, это и не роза, а другой геральдический символ, но тут Соня была бессильна.

— Круто! — Тимоха выразил весь спектр чувств коротко и ясно. — Слушай, они реально же в пустоте стоят. Зачем?

— Тим, я без понятия. Что там со временем?

— Восемь минут, — ответил Тим и попытался толкнуть тяжелую створку. Та не сдвинулась ни на дюйм. — Ну, этого и следовало ожидать. Будем пробовать открыть?

— Давай вместе. Тебе лев и мне лев. Толкаем одновременно.

— Я за. Десять минут. Почти пора.

Они положили руки на оскалившиеся звериные морды.

11:11:11

— Сейчас! — скомандовала Соня.

Навалились.

*Из учебника «Теории изнаночных переходов
и их практическое применение»
для инсинуатов 5-й ступени.
Малая библиотека ока.*

«Возникновение Иглы обусловлено сильными колебаниями исторического и архитектурного поля. Не установлено прямой зависимости между численностью населения и строительством Иглы. Географически Иглы располагаются хаотически. Наибольшая концентрация наблюдается на территории современной Европы. Изнаночная пара является точной копией оригинальной постройки. Игла сохраняет неизменный вид, вне зависимости от внешних воздействий. Последствия разрушения Игл крайне губительны. Нам известны лишь два подобных случая: храм Солнца в Гиперборее и здание Академии наук в Атлантиде. Уничтожение Игл привело к исчезновению двух материков целиком на уровнях бытия. Что характерно и в том, и в другом случае Изнанка претерпевала куда более серьезные изменения. Однако со временем они практически нивелировались. Далее мы рассмотрим архитектуру наиболее значимых Игл, а также систему заложенных в них инструкций».

Глава вторая

Секунда. Вторая. Третья. Ничего.

— Может, львов не надо было трогать? — В голосе Тима трепыхались крохотные остатки надежды.

— Вряд ли.

— Ну, тогда, может, мы толкали не с той стороны?

— Да ладно, что уж. Просто оно не сработало. Знаешь, мне даже не сильно обидно. — Улыбка у Сони вышла несколько вымученной, но всё же это было лучше, чем вчерашняя холодная непрошибаемость.

— То есть обидно, конечно, но ведь изначально шансы были не так уж и велики. Зато было весело, да?

— Ага. Ещё как. Знаешь, а я поверил. Всё казалось таким логичным.

— Казалось...

— А ты всё выкинула? Если попробовать ещё раз, может, мы найдём косяк?

— Ты третий раз за минуту повторяешь «может». Не может. Я всё выкинула. Да оно и к лучшему. Жили же мы как-то до вчерашнего дня, и ничего. В конце концов, всё началось с какого-то идиотского пера. Давай представим, что это было голубиное перо, просто очень черное. Это был голубь гот.

— Давай, — протянул Тим, у которого наблюдался острый дефицит уверенности.

— Славно! Так, возвращаемся в реальность: ты ещё успеешь на последнее занятие, а я на Оксфорд-стрит!

— У тебя совесть есть? Почему я пойду учиться, а ты — шляться по магазинам?

— Во-первых, я девочка. Во-вторых, у меня стресс...

— У меня тоже! — Сопротивлялся парень по инерции, и так было ясно, что выбора у него нет.

— Во-вторых, у меня стресс и расстройство, — упрямо повторила Соня, — а в-третьих, я старшая сестра! Не повезло тебе.

Вздыхая о вселенской несправедливости, Тим побрёл за сестрой к метро.

* * *

Дабы поберечь папину нервную систему, было решено не заходить в Селфриджес. Но пройти мимо витрин — ни за что! Сегодня они были выдержаны в черно-белых тонах. Огромные и крошечные воздушные шары, парящие фигуры перемежались с платьями и блузками. Движущиеся белоснежные спирали в окружении иссиня-черных мерцающих фигур. Вариации на тему инь и ян. День и ночь. Гимн монохромности. Нет, раз решила не заходить, значит, решила! Соня поспешила дальше, чтобы не испытывать силу воли.

Бытует мнение, что шопинг — лучшее лекарство от стресса. К сожалению, срабатывает оно не всегда. Иногда, после такой магазинной терапии смотришь на свои покупки и серьёзно сомневаешься в собственной адекватности. Как раз Сонин случай. Результаты почти шестичасовой охоты: блузки белые — две шпуги, юбка-карандаш черная, белое платье в пол, хоть завтра замуж выходи, джинсы клёш (вот они точно в магазине выглядели темно-синими)

чернее чёрного — и так ещё два пакета. Либо в девушке проснулась её внутренняя панда, либо... другой альтернативы в голову не приходило.

Тима дома не оказалось. «Похоже, тоже где-то лечит стресс и расстройство», — подумалось Соне. Дергать брата она не стала, пусть тусит. Дома сидеть не хотелось совершенно, тем более что тут неммым укором лежали кипы черно-белого безумия. «Надо бы оставить ему записку, хоть раз воспользуюсь доской», — решила Соня. Мел заскрипел по грифельной поверхности. Белый мел по черной доске. «Кажется, у меня начинается паранойя! Бегом отсюда!» Схватив сумку, телефон и теплый кейп, Соня захлопнула за собой дверь.

Не прошло и часа, как она сидела на набережной, где-то между Вестминстером и Пимлико. В кейпе было уютно, а с кофе тепло. Что же это на неё нашло? Что за блажь с черно-белым гардеробом? Всё эта история. Чёрное перо, Белая башня. Вот откуда ноги растут. Срочно забыть, выкинуть из головы! Может, уехать на пару дней из Лондона? И мелкий тут вздохнёт свободно. Даже если учиться не будет, практики языковой хоть отбавляй, чего стоят одни только сборища у Мостина! Идеально, конечно, было бы метнуться до Эдинбурга, но за это папа по голове не погладит. Можно доехать до острова Вайт. Белые скалы ничуть не хуже, чем в Дувре. И вроде у них там даже уникальные имеются, Иглы, кажется. Идея нравилась Соне всё больше и больше. Надо бы посмотреть, как туда доехать и что там на самом деле с этими скалами.

Девушка горько усмехнулась. Последняя открытая вкладка в браузере телефона — Тауэр, Белая башня. И с чего её только называли Белой? Вполне себе коричневая. Рука застыла над крестиком закрытия окна. Белая! Но не белая. Господи, весь день же! Белое и чёрное. И башня. Двадцать процентов зарядки. Кто бы сомневался! Только бы хватило. Итак, история Белой башни. Не стоит даже углубляться в дебри, Википедии вполне достаточно.

«Крепость, позже ставшая известной, как лондонский Тауэр, была заложена Вильгельмом Завоевателем в одна тысяча шестьдесят шестом году. Она исполняла роль...».

Бла-бла-бла. Вот!

«Также именно в период правления Генриха III зародилась традиция побелки башенных стен: в марте одна тысяча двести сорокового года он приказал выбелить стены Великой башни снаружи и изнутри».

Башня меняла цвет, темная и светлая, как день и ночь. Изначально, да и сейчас, она была тёмной. Мы всё сделали правильно, ошиблись только со временем суток. Сколько сейчас времени? Пять минут одиннадцатого. Я успею. Мы успеем.

Тим не брал трубку. Опять. Дежавю. «Он мне не простит, что я поехала одна», — подумала Соня, но сама уже торопилась к ближайшей станции. «Хоть сообщение отправить: «Мелкий, мы идиоты! Башня не белая. Я попробую ещё раз. Не бей меня потом сильно».

Вход в сад был закрыт. Но разве хилый забор мог сейчас остановить неуёмную жажду приключений? Соня стояла перед воротами, взлохмаченная, с бешено колотящимся сердцем. Оставалось две минуты. «Я всё-таки ненормальная», — пронеслось в голове. Ожил телефон. Тимоха.

— Не смей туда ходить без меня! — крикнул брат. — Давай завтра, вместе, пожалуйста! — гневные интонации молниеносно сменились просящими. — Это же нечестно!

— Прости, Тим. Я не могу ждать до завтра. Я перезвоню через минуту, когда оно опять не работает. Буду рыдать в трубку, — ответила Соня и отключилась.

Но она сама не верила в то, что говорила. Не перезвонит. Сейчас всё получится. Десять минут пятьдесят девять секунд. Соня прикоснулась к львиной морде. Холодная. Совсем как перо. Одиннадцать минут девять секунд. Вдох. Выдох. Соня толкнула створку.

* * *

Упала, больно ударив коленку и поцарапав ладонь.

— Вот ведь... — Окончание фразы так и осталось невысказанным. Соне всегда казалось, что все эти «слова застряли в горле», «и он поперхнулся остатками предложения», «потерял дар речи», «застыл, как громом пораженный» были лишь не самыми удачными фигурами речи. Не были. Похоже, до этого момента ей просто не хватало жизненного опыта.

Где сад? Где ворота? Где река? Где булыжники? Хотя нет, булыжники как раз на месте. На этом всё. Точнее, сад-то вокруг был, но не тот. Огромные вязы, старый каменный фонтан, цветущие кусты, дорожки, выложенные теми самыми булыжниками, и арки. Красивые, черные, кованые. Под одной из них и оказалась Соня. Не задумываясь, пересчитала (сказывался засевший в памяти упрёк Тима). Десять.

— Неожиданно, — пробормотала девушка. О, дар речи вернулся.

— Всё в порядке? — раздалось за спиной.

Дар речи позорно ретировался. Соня резко обернулась, по крайней мере попыталась. Вышло довольно неуклюже: сложно изящно крутиться, когда ты сидишь на земле с разбитой коленкой.

— Помочь? — слышалось сверху.

Соня медленно подняла глаза. «О, божечки! Как я выгляжу? Конечно, ужасно: волосы растрепаны, коленка ещё эта, и тушь наверняка потекла. О чём я только думаю?! Но какой же красавец!» — типичный женский сумбур роился у девушки в голове. «Красавец» же приветливо улыбался и протягивал ей руку.

— Сп...спасибо, — улыбнулась Соня в ответ.

— Не самая лучшая идея гулять в темноте по Саду Цикла. Мало ли, кто может скрываться в кустах данторны.

— Э-э-э-э, да, пожалуй, — вежливо согласилась Соня, а параллельно подумала: «Какой Сад Цикла? Какая данторна? Где я?»

— Какие холодные руки! Надо срочно согреться. Может, горячего чаю? Тут недалеко есть отличное местечко, и работают они до последнего клиента. Меня зовут Грей. — Незнакомец вопросительно смотрел на девушку.

— Артур или Дориан?

— Просто Грей. — Вопрос озадачил юношу.

— Это я так, неважно. Я София... Соня.

— Очень приятно, Соня! Нам стоит поторопиться, длительные прогулки здесь до добра не доведут, — заключил он и мягко, но настойчиво повёл её к выходу.

«Куда я иду? Да я вообще с людьми на улице не знакомлюсь!» — одолевали Соню панические мысли. Но было в Грее что-то такое, что ему хотелось довериться. Внутренняя сила, быть может, надёжность. Или Соне было до того страшно, что она искала защиту, пусть даже у незнакомца.

По дороге её спутник молчал, но девушка этого не замечала. Она вертела головой,

пытаясь отыскать знакомые ориентиры. Дома вокруг выглядели вполне типичными особняками Викторианской эпохи, с современными мусорными баками у входов. Пустынная улица тоже не вызывала удивления: попробуйте найти прохожих в полночь в районе Челси и Кенсингтона. Может, одна-две машины проедут, вот и вся активность. Машина, очень своевременно. Соня невольно остановилась: машина ехала не по той стороне дороги.

— Мы уже почти пришли, — подал голос провожатый, — вот, следующий дом.

Заведение действительно было очень уютным и практически безлюдным: одна парочка в укромном уголке да двое одиноких полуночников за барной стойкой. Грей проводил её за дальний столик.

— Я вернусь через мгновение. — Всё та же заботливая теплота в голосе.

«Надо же, какое старомодное место. Мелкий бы... Мелкий! Я же обещала перезвонить!» Телефон, на удивление, всё ещё не разрядился. Связи не было. Никакой. Даже если искать вручную. И ни одного вай-фая, включая запароленные. Как же так? Гаджет спешно отправился обратно в сумочку: возвращался Сонин спаситель с подносом. Чай, сахар, маленькие печенки. Чай оказался на редкость вкусным. Собираясь поблагодарить за угощение, девушка взглянула на Грея и обомлела. Перед ней сидел совершенно другой человек. Ни тени улыбки, только предельная собранность и озабоченность.

— Как ты сюда попала? — медленно, выделяя каждое слово, спросил он.

— Я не понимаю.

— Здесь безопасно говорить. Нас не услышат. Как ты попала на Изнанку?

— Куда попала? — Чай оказался забытым.

— Что значит «куда»? Ты понимаешь, где ты находишься?

— Не совсем. Вернее, совсем нет.

Соню прорвало. Она рассказала всё: про перо, про странного человека, про её безумную эскападу в Тауэр, даже про немцев. Про их с Тимом неудачную поездку. Про её догадку и ночную вылазку в сад. Слова бежали наперегонки, порой обгоняя события. Соня путалась, возвращалась обратно, но собеседник слушал, не перебивая. При упоминании человека с татуировкой напрягся и весь подобрался, но смолчал.

— И так я оказалась здесь. И ты меня нашел. И я вообще не понимаю, почему я всё это рассказываю. Это какой-то бред. Но ведь я уже не в Лондоне? Или? Где я?

— Ты в Лондоне. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что на тебя не наткнулся никто из Ока.

— Из Ока? Что такое Око?

— Так, тебе надо поспать, — отрезал Грей, как будто Соня и не задавала вопрос. — Но ко мне ты идти откажешься. Значит, отведем тебя в отель, ты отдохнешь, а утром я вернусь и всё расскажу.

— Но я не хочу спать, да и не смогу сейчас.

— Давай ты не будешь спорить. Пожалуйста.

С нажимом. Так с Соней разговаривал только папа, когда всё уже было решено, и она понимала, что пререкаться бесполезно.

Отель нашёлся быстро. Соня почувствовала, что на самом деле устала и засыпает на ходу. Похоже, до этого момента силы поддерживал только адреналин, а теперь девушка немного расслабилась, и действие природного стимулятора закончилось. В полудрёме она смотрела, как Грей договаривается о номере, хотела возразить, что заплатит сама, но глаза натурально слипались и язык почти не слушался. Словно со стороны она наблюдала, как

молодой человек проводил её до номера. Пробормотала что-то невразумительное, что при желании можно было принять за «Спасибо», и как только за Греем закрылась дверь, рухнула на кровать и провалилась в сон.

* * *

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны...»

Тим сбросил звонок. Ничего нового. Прошла и минута, и две, и все двадцать. Соня не перезвонила, а её телефон выдавал лишь безликое «аппарат абонента...» и далее по тексту. Если бы это была не его сестра, то после первого же «вне зоны действия» Тим помчался бы в сад. Но вероятность того, что у Сони просто разрядился телефон, стремилась к бесконечности. Уже дважды проверил: все портативные зарядки на месте, конечно же, она опять не взяла ни одну с собой. Уехать её искать и разминуться в дороге — последнее, чего ему хотелось.

«Аппарат абонента выключен или находится...»

Хорошо, какие есть варианты? Она прошла через ворота. Об этом думать не хотелось. Вариант второй: она не прошла через ворота, телефон разрядился, она едет домой. Тогда минут через пятнадцать появится. Вариант третий: она опять-таки не прошла через ворота, расстроилась, ушла гулять по набережной, чтобы, как она говорит, «выкинуть весь мусор из головы в воду». Нет, не может быть. Даже принимая во внимание все её эмоциональные заскоки, чувство ответственности у неё развито, дай бог каждому. Она обещала позвонить и увидела, что телефон разрядился, не пошла бы она никуда. Поехала бы домой, знает ведь, что я переживаю. Остаются только первые два варианта. Ещё десять минут.

«Аппарат абонента выключен...»

Время — почти полночь. Дальше ждать бессмысленно. Тим прикинул, что на метро ещё успевают. Это, конечно, не Москва с её переходами, закрывающимися в час ночи, но тем не менее. Линия Пиккадилли идёт в Хитроу, она долго работает. При удачном раскладе на Дистрикт можно попасть на один из последних поездов. Телефон, Ойстер, ключи, кредитка, наличка на всякий случай — всё на месте, пора ехать.

«Аппарат абонента...»

Метро. Надо чем-то занять голову. Как она написала? «...Мы идиоты! Башня не белая». И Интернет в подземке не работает, как назло! Ладно, и так понятно, что Белый Тауэр на самом деле коричневый. Но что это даёт? Тим мысленно согласился с сестрой: они идиоты. Цвет указывает на время суток. Это плохо. Вероятность, что ворота сработали, резко возросла. Она ушла. Неизвестно куда. Одна. Нет, это всё бред какой-то. Мы живём в материальном мире. Куда она могла уйти? В параллельную реальность? Не верю.

Успел на переход. Ещё две остановки, а там и до сада всего ничего останется.

«Аппарат...»

Сам того не зная, Тим повторил Сонин трюк с перелезанием через забор. Вот и ворота. На одном из кованых завитков висела красная шерстяная кисточка. Внутри всё оборвалось. Это от её... как там эта штука называется... не важно. В образовавшейся пустоте закипала злость. Тим с силой ударил по оскалившейся львиной морде.

— Где она? — Крик в никуда.

Тим медленно сполз на землю, сел, привалившись к створке. Совершенно неясно, что

делать дальше. Звонить в полицию? А смысл? Сказать им, что моя сестра дотронулась до ворот и исчезла? Даже для лондонских полицейских это перебор. Пойти за ней? Но если они с Соней правы, то срабатывают ворота раз в сутки, и раньше завтрашнего вечера туда не попасть. С другой стороны, где гарантия, что на вход и на выход они «включаются» одновременно? Вариант, что обратного пути нет, Тим даже в мыслях не допускал. Предположим, что башню не просто так назвали Белой. Может, выход открывается утром, а вход вечером? Это выглядело вполне себе теорией. Никаких гарантий, что верной теорией, но это был шанс. Значит, ждать до утра. Тим отдавал себе отчет, что ничем не поможет сестре, сидя здесь и подпирая ворота, но заставить себя уехать домой не мог. Вдруг она все-таки вернется прямо сейчас или спустя пару минут. Это были очень долгие десять часов.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети».

Ожидание себя не оправдало.

Тим понимал, что надо съездить домой, поесть и хоть пару часов поспать. А потом можно вернуться и идти за сестрой, куда бы эти ворота ни вели. По крайней мере, в том, что в одну сторону они работают, сомнений не оставалось. Всего двенадцать часов, и появится хоть какая-то ясность.

Вернулся Тим ещё до заката, находиться дома было невыносимо. С отчаянной надеждой он в последний раз набрал номер.

«Аппа...»

Сад закрывался на ночь. Ждать оставалось недолго.

* * *

Соня проснулась с головной болью. «Странно, дождя не слышно, тусить мы вчера не тусили, с чего же так плохо?» — едва успела подумать путешественница, как на неё обрушились воспоминания. Она слишком резко села в кровати, в глазах даже потемнело. «Не сон, — оглядываясь по сторонам, заключила девушка. — Где бы я ни была, а гостиничные номера тут абсолютно такие же». В надежде на облегчение страданий, Соня потянулась к сумке. К счастью, обезболивающее оказалось на привычном месте. Пальцы наткнулись на телефон. «Может, хоть какая-то связь появилась?» Надежда умерла ещё до того, как окончательно сформировалась. За ночь устройство окончательно разрядилось. «Предатель», — разозлилась Соня на аппарат и запихнула его обратно. В ванной нашелся стакан. Насколько безопасно пить местную воду из-под крана, девушка не думала. Подняла глаза к зеркалу, ох, лучше бы она этого не делала. На неё смотрело нечто лохматое, весьма помятое, с кругами осыпавшейся туши под глазами. Жуть. Зато проблема, как там вчера сказал Грей, Изнанки сразу отошла на второй план. «Грей! Он же обещал прийти утром! А тут... я». Ближайшие полчаса чудовище преобразалось в красавицу.

В дверь постучали. Соня поспешила открыть. На пороге стоял Грей с двумя большими стаканами.

— Надеюсь, ты любишь капучино.

— Ты знал! — обрадовалась девушка. — Проходи.

— Не выспалась? Глаза у тебя красные.

— Это всё голова. Болит ужасно.

— Последствия перехода, наверное.

— Мне вот сейчас вообще не полегчало. Что за переход? Что такое Изнанка? А Око? — Соня не заметила, что начала беспокойно мерить шагами комнату.

— Сядь, пожалуйста. А то мельтешишь, как яллара. Я попробую объяснить

— Как кто? — переспросила Соня, но послушно присела на край кровати.

— Яллара. Маленький такой зверёк, похожий на кролика, но с длинным хвостом, ну ты знаешь! Морда у него вытянутая, и носится постоянно.

— У нас таких нет. Смотри! — Соня привычно потянулась к сумке за телефоном.

— Гугл... — Осеклась. Вспомнила, что тот лежит на дне бесполезным разряженным кирпичом.

— Проехали. Но я уверена, у нас их нет.

— Не может быть. На Изнанке нет ничего уникального: ни животных, ни растений, ни технических устройств — вообще ничего. Только то, что есть у вас. Или хотя бы появилось, пусть и не прижилось. Так что либо яллары у вас вымерли, либо их очень мало.

— Зачем только спросила, — пробормотала Соня. — С пушистикami потом разберемся, это всё мелочи. Что такое Изнанка?

Грей достал из кармана маленькую вышивку.

— Вот, нашел утром на рынке. Так объясняют маленьким воспитанникам в Оке.

— В Оке? — Сонино любопытство сложно было держать в узде.

В ответ она получила строгий взгляд.

— Три минуты ты молчишь и не перебиваешь, договорились?

— Да, прости, продолжай, я практически рыба.

— Славно. У каждого предмета или явления есть две стороны, как на вышивке: лицевая и изнаночная. Лицо, как правило, аккуратное, его создают, чтобы показывать. Рисунок может быть красивым или ужасным, тут уж как решит вышивальщица. А изнанка, — Грей перевернул лоскут, — никогда не угадаешь, какая. Смотри, вот здесь рисунок точно совпадает с оригиналом, здесь очень постарались работать аккуратно, а вот тут сплошные узлы. Либо нитка спуталась, либо мастерица очень торопилась, либо терпения не хватило. Основная идея в том, что изнанка — не точная копия лица. Она не плохая сторона, нет, она — другая сторона. Но без неё не будет существовать и лицевая. Не будет опоры, баланса. Пока понятно?

Соня кивнула. С вышивкой всё было очевидно.

— Так же устроен мир, — продолжил лекцию Грей. — Вместе с Изначальным уровнем появился и Изнаночный. Ты живёшь на Изначальном, я — на Изнанке. Мы не ваша копия и не противоположность. В чем-то мы очень похожи, в чем-то — кардинально отличаемся. Изнанка неоднородна, тут хватает и красоты, и уродства. Никогда нельзя предугадать, как то или иное событие отобразится у нас. Однако совершенно точно можно сказать, что мы не создатели. Так же, как и с вышивкой. Рисунок формируется на лицевой стороне, изнанка — лишь оборот. Но даже если ты передумаешь и сделаешь новые стежки, на обратной стороне останется всё. Поэтому у нас не может ничего появиться, пока это не изобретут у вас. Но при этом мы ничего не теряем. Если что-то было создано в вашем мире, но так и не нашло применения, то на Изнанке оно существует.

Если говорить о нематериальной стороне, то мы оперируем вашими же понятиями, но не всегда отношение к ним у нас такое же. Например, благотворительность. Вы возвели её в ранг одной из величайших благодетелей.

— Три минуты прошло! Что значит «возвели в ранг»? Конечно, любая помощь слабому

— это благо. Это же моральная обязанность тех, кому дано больше!

Грей улыбнулся.

— Удачный вышел пример. Оказывая помощь слабым, вы лишаете их возможности бороться за своё достойное существование. Слабый всегда будет оставаться слабым, пока сильный будет его защищать. Пока выживает сильнейший, человеческий вид защищен от вымирания. У вас сильные и успешные испытывают постоянный комплекс вины за то, что им дано больше. А занятие благотворительностью заглушает его. Даже если предположить, что вы оказываете благо конкретному индивиду, что спорно, то человечеству в целом это не идет на пользу.

— Это какая-то извращенная логика. Сейчас ты скажешь, что война — это хорошо.

— Безусловно.

— Как? — опешила Соня.

— Войны контролируют численность населения, стимулируют развитие науки и техники, сплачивают людей.

— Безумие. А в чем, по-вашему, нереальная польза убийства?

— Не заводись, это просто взгляд, отличный от твоего. Но не забывай, что без боли не бывает блаженства, без горя — счастья, без тьмы — света, без Изнанки — Изначального мира. Тебя бы тоже не было, что, безусловно, лично меня бы очень расстроило.

Соня, несмотря на всё негодование, смущенно заулыбалась.

— Что же до убийства, то на самом деле здесь оно тоже не одобряется. Жизнь — это личная собственность человека. Только он сам вправе распоряжаться ею. Знаешь, что-то мы углубились в морально-этические дебри. Пойдем погуляем, заодно ты убедишься, что здесь не страшные монстры живут.

И снова Грей оказался прав: прогулки были Сониной страстью номер три, сразу после кофе и сливочного пломбира. На призовое место могли бы претендовать ещё квесты, но они все-таки были краткосрочной эпизодической радостью и не выдерживали конкуренции с прогулками, радующими на постоянной основе.

Задняя дверь отеля вела в городской парк. Небольшой, но очень милый: пруд, ухоженные топиарии, клумбы с причудливыми узорами.

— Слушай, нам бы перекусить. Ты подожди меня здесь, а я добуду пару сэндвичей. Я быстро.

Не успела Соня вставить и слова, как Грей усадил её на ближайшую лавочку и умчался в глубь парка.

— Мамочки! — спустя мгновение вскрикнула девушка и вскочила. Лавка под ней пошевелилась! Соня огляделась в поисках поддержки, но, как назло, вокруг не было ни души. Видимо, рабочий день существует и на Изнанке тоже. Очень медленно и аккуратно она протянула руку, дотронулась до лавки и сразу же руку отдернула. Никакого движения. Похоже, доли секунды было недостаточно.

— Ладно. — Поглубже вдохнув, Соня опустила ладошку на сиденье.

Какое-то время ничего не происходило. И вдруг поверхность лавочки под пальцами слегка шевельнулась. Рука инстинктивно дернулась. Там, где она только что была, остались очертания ладони. Постепенно они исчезли.

— Этого не может быть, — ошарашенно прошептала экспериментаторша.

Любопытство взяло верх над осторожностью. Тщательно исследовав всю поверхность, Соня пришла к выводу, что да, она вся твердая и однородная, и нет, материал не похож ни на

что гибкое, но застывшее. Совершенно обычная металлическая лавочка. В Лондоне, правда, таких немного: на дереве сидеть теплее и удобнее.

— А если так? — пробормотала Соня и положила обе ладони на лавочку.

Прошла минута, другая, и садовая мебель послушно повторила форму рук.

— Играешься? — Это Грей, вернувшийся с сэндвичами, умильно улыбался, глядя на Соню.

— Это что? Как она это делает?

— Это эргономичная лавка. Правда, обычно её называют живой. Она адаптируется к твоему телу, меняет форму так, чтобы тебе было максимально комфортно. Садись, не бойся.

Он сел сам и потянул девушку за собой.

На сей раз шевеление не застало Соню врасплох, как бы сильно ей ни хотелось вскочить, она заставила себя не двигаться. Через несколько минут всякое движение прекратилось. Девушка прислушалась к ощущениям в теле. А ведь и впрямь! Очень удобно. Считается, что нет ничего удобнее теплой постели в момент, когда звонит будильник. Вот сейчас Соня бы поспорила с этим утверждением.

— Это просто фантастика! Но погоди, ты же сказал, что вы не создатели, но у нас нет таких материалов!

— Выходит, что есть. На вот, поешь, — сказал Грей и протянул ей сэндвич. Пару лет назад ученые опубликовали исследование о создании гибридного материала. Если я не ошибаюсь, они взяли бактерию кишечной палочки, приятного аппетита, кстати.

Соня поморщилась, но покрутила рукой, мол, продолжай.

— В общем, эта бактерия производит пленки, в которые внедрили неживые предметы. Таким образом получили материал, способный самовосстанавливаться и саморазвиваться. Но ожидаемого фурора исследование не произвело. Все-таки люди опасаются «живых» предметов. Тогда «Вайверн Фёрнича» выкупила права на использование этого материала. Она продолжила исследования и довольно скоро начала производить такие лавки. Компания их не продавала, а просто помещала везде, где только было возможно. Поначалу все очень пугались. Ты сама наверняка перетрусилась.

Соня согласно кивнула.

— А потом с ума от них походили. И тут «Вайверн» объявила о старте производства домашней мебели из того же материала. Тогда-то и начался бум. Кто-то протестовал, кто-то заявлял, что вот оно, нанобудущее. Но компания никак не реагирует. Лишь обнародовала дату начала продаж первых экземпляров. Так что мы теперь ждём.

— Это же настоящий прорыв! — Соня доела и снова могла говорить.

— Этот материал может изменить всё! И ты уверяешь, что у нас такой тоже изобрели? И раньше, чем у вас. Почему же нет никакой информации?

— Может быть много причин: кончилось финансирование, свернули проект из-за медленного прогресса, временно заморозили в пользу какого-нибудь другого, более важного исследования, да мало ли.

— Но должны были остаться публикации, хоть что-то. А в Интернете такую новость моментально бы распространили! Кстати, почему у вас нет Интернета?

— С чего ты взяла?

— Ну, я вчера пробовала, — пояснила Соня, испытывая неловкость, — пока телефон ещё не сел.

— Покажешь?

Умерший смартфон был извлечён из сумки. Грей повертел вещь в руках.

— Похож на наши старые модели. Это вот разъем для зарядного устройства?

— Да. Как это — на ваши старые модели? Вы и здесь нас опередили?

— Вроде того, — смущенно согласился Грей: ему не хотелось расстраивать девушку. —

Вот, смотри.

Он протянул ей нечто толщиной с кредитную карту.

— Это телефон? — Соня рассматривала абсолютно гладкую штуковину. Обнаружила лишь одно крохотное отверстие.

— Это для наушников, — предвосхитил вопрос молодой человек. — Он заряжается от радиоволн, ловит их в воздухе. У нас эта технология уже давно.

Грей окончательно смешался.

— Мы живём в каменном веке, — заключила Соня, — ладно, пойдём дальше смотреть ваши чудеса.

— Не так уж у нас их и много. Пойдем, — с энтузиазмом подхватил экскурсовод.

За исключением живых лавок, Изнанка удивляла своим сходством с Сониным миром. А если не обращать внимания на правостороннее движение, то можно было вообразить, что они гуляют в районе Пимлико. Не хватало только реки.

— Слушай, а география отличается, да?

— Не особо.

— Тогда где Темза?

— На месте, там же... Я понял! Переход с твоей стороны находится на реке, да?

— Переход? В смысле, ворота?

— Переход. Это вроде дыры в реальности, — поправил ее Грей и полез в карман. — Чёрт, вышивку оставил в номере. Придется на словах. Для того чтобы посмотреть на изнанку, тебе надо либо вывернуть изделие, либо перевернуть его. Или же, что гораздо практичнее, проделать в нем отверстие. Пойдем к реке, — вернулся к теме Темзы Грей. — Я всегда хожу к ней, когда надо подумать или принять какое-то решение.

— И я! Мне всегда казалось, что вода уносит из головы весь мусор, и остается только нужное и значимое.

— Точно! И проблема становится прозрачной, а решение — очевидным!

— Вот! А Тимоха говорит, что я всё придумываю и это просто грязная вода.

— Кто такой Тимоха? — Вроде в голосе Грея проскользнули нотки ревности, но Соня решила, что ей показалось.

— Это мой младший брат. И он там с ума сходит. А я никак не могу сообщить ему, что со мной всё в порядке?

— Есть только один способ связи между уровнями, но он сложный. И, кроме того, твой брат, — вот теперь Соня точно уловила облегчение в голосе, — должен точно знать место и время связи.

— Точно место и время... Господи, это перо?!

— А ты отлично соображаешь! Да, перо, но исключительно перо ворона из заповедника Ока.

— Опять это Око. Это какая-то организация? Типа правительства или полиции?

— А ты почти попала с обоими предположениями. Про что рассказывать дальше? Про Око или про переход?

— Давай про переход. Стой! — воскликнула вдруг Соня и резко затормозила. Похоже,

это начало входить у неё в привычку. — Тот человек, в парке, в Сохо, он сказал, что опоздал! Он знал, куда и когда упадёт перо. Он что, с Изнанки?

— Макс. Его зовут Макс, — в голосе Грея засквозил холод. — И да, он отсюда.

— Ты его знаешь? Почему ты мне сразу не сказал? Ладно, потом. Если он попал к нам, то, — у девушки перехватило дыхание, — я... я смогу вернуться домой?

— Да.

— Грей! Почему ты до сих пор молчал?

— Потому что я не знаю, как открывается переход! — простонал Грей, в голосе его сквозило отчаяние пополам с бессилием. — Я могу рассказать тебе кучу теории и истории, но не практики. Я не хотел тебя обнадеживать.

— Так, это не проблема. Если мы открыли дверь сюда, откроем и обратно. Тем более с твоими знаниями, — Сонины глаза загорелись азартом новой загадки.

— А ведь ты права. Пойдем, мы уже практически у реки.

— Ага, идём. Ты остановился на отверстиях.

— Да. Отверстие — это и есть переход. Но сначала появляются Иглы. Их так называли, потому что они протыкают ткань реальности. Как-то очень вычурно звучит. Если по-человечески, то это строение, как правило, замок или церковь. Оно появляется одновременно на обоих уровнях. Есть куча теорий, научных трудов о том, где и когда возникает Игла. Но доказательств нет, можно только гадать. Как только заканчивается строительство, формируется переход. Каждая Игла несет в себе инструкцию, как его найти и открыть.

— Тауэр! Наша Игла — это Тауэр!

— Наша тоже, Иглы идентичны, помнишь? Чего нельзя сказать о переходах. Это как-то связано с пространственно-временным полем, точнее, с суперпространством. Только не спрашивай о подробностях.

— Бр-р-р, тёмный лес. Я правильно понимаю, что переход на Изнанке и на Изначальном уровне находится в разных местах?

— Правильно. Поэтому наш — не на берегу.

— Значит, нам надо в ваш Тауэр!

— Тут могут возникнуть проблемы, — парень замялся. — Лучше я тебе покажу. Так будет нагляднее.

— Как с вышивкой? — поддела его Соня.

— Как с вышивкой, — согласился Грей. — Не зря мы решили идти к реке. Мадемуазель любит речные прогулки?

— Ещё как!

— Тогда я приглашаю мадемуазель совершить небольшой круиз по Темзе. Не соблаговолит ли прелестница спуститься к причалу? — Галантно поклонившись, Грей протянул девушке руку.

— Месье крайне любезен, — изобразив подобие книксена, ответила Соня и оперлась на предложенную руку. — Похоже, у вас тут тоже Средневековье было страшно романтичным.

— Это как посмотреть, — кавалер ушёл от ответа. — Прошу на борт.

Соня не верила своим глазам. У причала был пришвартован автомобиль. Вот прямо настоящий: с колесами, правда, задранными вверх, рулем, креслами и зеркалами. Эдакий кабриолет без крыши. Но на воде! И их тут было полно. Вроде нашей парковки у торгового центра, но водоплавающей. Видимо, лимит бурного удивления был исчерпан, девушка

притихла.

— Вопросов не будет? — поинтересовался Грей.

Соня лишь отрицательно помотала головой. Так же молча она села на пассажирское сиденье и принялась наблюдать, как Грей управляется с этим... с этой... штуковиной. Приборная панель похожа на обычную автомобильную, только датчиков раза в три больше. И два рычага: один посередине, как в машине, а второй прямо на боку. Судя по всему, один для плавания, другой — для вождения. И экран странный: наполовину навигатор, наполовину — непонятные разноцветные волны. Раздался скрежещущий звук. Соня завертелась, пытаясь определить источник.

— Всё в порядке, это якорь, — успокоил её капитан.

Они поплыли. Живительная сила Темзы, над которой так смеялся Тим, делала своё дело. Соня почувствовала лёгкость, она уже не плыла по реке, а парила над ней. Нырнула под мост, другой, а вот и Воксхолл.

— О, у вас тоже есть МИ6? — спросила она, но даже не расслышала ответа Грея.

Они летели дальше. Обернувшись, в брызгах она разглядела маленькую радугу, и снова мосты: Ламбет, Вестминстер, Ватерлоо, даже угловатый Миллениум на месте. Казалось, они поплыли ещё быстрее. Святой Павел и шекспировский «Глоуб», искрящаяся на солнце игла Шарда и виднеющийся вдалеке Гёркин. А это что?

Грей плавно затормозил. Прямо по курсу буи с предупреждающими знаками. Темза перекрыта, а по левому борту высоченная глухая стена, уродливая, чужеродная, тянущаяся до самого Тауэр-бридж.

— Тауэр там, за стеной? — оторопела Соня.

— Да. Он под охраной Ока. По официальной версии, там закрытая военная база. Сама видишь, подойти к нему невозможно, а подплыть... Сейчас.

Он полез под сиденье, достал полную пластиковую бутылку, размахнулся и забросил туда, подальше, за буйки. Не успела бутылка коснуться поверхности воды, как со стороны стены прогремел выстрел, и она разлетелась на мелкие кусочки. Соня вскрикнула.

— Вот такой у нас Тауэр.

— Но почему? — в голосе девушки звучал страх.

— Око не заинтересовано в том, чтобы у обывателей был доступ к Игле. И к переходу.

В привычный шум летнего дня ворвался вой сирены.

— Это что? — страх сменился ужасом.

Грей выругался.

— Я рассчитывал, что они спишут всё на случайно залетевшую чайку. Чёрт, это боевая тревога!

Мотор зарычал. Пока они разворачивались, Соня успела заметить, что в стене открылся проход. Разглядеть преследователей не удалось, Грей увозил их обратно, подальше от опасности.

— Что происходит? — перекрикивая шум сирены, спросила Соня.

— Не сейчас, — скорее прочитала она по губам, чем услышала в ответ.

Всё быстрее, всё дальше. Мимо Саутварка, мимо Блэкфрайарса. У Темпла они повернули к берегу. Грей не тормозил. Соня вцепилась в торпеду до белых костяшек.

— Грей!

На мгновение оторвавшись от руля, он сжал её запястье.

— Не бойся.

Автомобиль, или катер, или как его ни назови, сильно завибрировал. Брызги полетели во все стороны — колеса опускались вниз. Впереди показался пандус. Они выехали в город. Выяснилось, что складная крыша всё-таки имеется. Стало гораздо тише.

— Отпусти уже торпеду. Или ты хочешь кусочек на память? — попытался пошутить Грей.

Улыбки у Сони не вышло.

— Грей, что происходит? Почему нас преследуют? — повторила вопрос девушка.

— Не сейчас, — ответ прозвучал чуть мягче, но суть не изменилась.

Выехали на Стренд и помчались дальше, на Друри-лейн.

— Мы едем в Сохо? — Молчать было выше Сониных сил.

— Да. Вряд ли они будут искать нас рядом с собственной точкой связи.

— А я там живу. — Невпопад получилось.

Грей затормозил.

— Лучше дальше пешком. Все-таки амфибий у нас не так много, бросается в глаза.

Очутившись на тротуаре, Грей несколько растерялся.

— Нам, наверное, туда.

— Я тут каждый закоулок знаю, — перехватила инициативу Соня, — давай за мной.

Она уже тянула парня за руку. Налево-направо-налево, через площадь, вон, уже колонна показалась. Площадь Севен Дайалс, Тимоха её всегда «часами» называл. Дальше к Шафтсбери-авеню, снова направо-налево-направо. Ноги сами вынесли Соню туда, где всё началось: перед ними была изнаночная копия Сохо-сквера.

— Когда я сказал «рядом с точкой связи», я не имел в виду настолько рядом.

— Знаешь, с меня хватит, — взорвалась Соня. — Меньше чем за сутки вся моя жизнь перевернулась с ног на голову. Я оказалась чёрт знает где, с весьма призрачными шансами на возвращение домой. За один день на меня свалилось столько информации, сколько некоторые не узнают и за девяносто лет! А теперь тут стреляют, меня преследуют, и я даже не знаю кто и за что! И ты мне будешь говорить, что тебе, видите ли, не нравится место? Мне нравится! Мне тут спокойно!

— Угу, я вижу, какая ты спокойная. — Это вот он зря сказал.

— Да как у тебя язык поворачивается! — Соня задохнулась от возмущения. Изо всех сил ударила Грея кулачками в грудь. — Ты! Бессердечная зараза!

Резко развернулась и пошла прочь. Прочь от всех этих тайн, загадок, Изнанок, Ока и кто его знает, от чего там ещё.

— Стой! Да стой же ты! — попросил, догнав её, Грей. — Извини, я не подумавши ляпнул. Давай посидим здесь немного, ты отдохнёшь. Пожалуйста.

Ярость улетучилась так же быстро, как вспыхнула. Соня понимала, что никто не виноват в случившемся. Если быть до конца честной, то никто, кроме неё и её неуёмного любопытства. Они устроились на газоне.

— Хочешь, я расскажу тебе про Око?

— Нет, — неожиданно для самой себя ответила девушка. — Я больше ничего не хочу знать, совсем ничего. Я хочу домой. — Она закрыла лицо ладошками. — Чтобы не видеть всего этого, чтобы открыть глаза и оказаться дома, и чтобы Тимоха рядом, и чтобы всё это оказалось сном.

— Если бы это был сон, я бы тебя не встретил, — осторожно вставил Грей.

Соня опустила руки, удивленно посмотрела на него и слегка улыбнулась.

— Это я как-то упустила.

Помолчали. Первым заговорил Грей.

— Нам действительно лучше уйти. Сеанс связи может произойти в любой момент, а я бы не хотел нарваться на ретивого инсинуата Ока или, что ещё хуже, на комтура.

Соня уже справилась с накотившим отчаянием. Природный оптимизм взял своё: девушка бодро поднялась на ноги и протянула руку Грею.

— А знаешь, я готова к новому маленькому исследованию. Гастрономического характера.

— Это я всегда за! — обрадовался Грей и взялся за теплую ладошку. — Куда пойдём?

— В самое лучшее место на ближайшие пару сотен километров. Если на этой вашей Изнанке нет «Бургер и Лобстер», то я отказываюсь верить в её реальность.

Поверить Соне всё же пришлось. Не успели они свернуть на Дин-стрит, как характерный аромат лобстеров сообщил, что ресторан на месте. Следующий час прошёл в борьбе с конечностями членистоногих и непринужденной болтовне.

* * *

— Надо вернуть тебя домой.

Соня сидела на лавочке, разглядывая статую незнакомого дядьки, стоящую на месте Шекспира. Грей расхаживал перед ней взад-вперед.

— Что мы знаем про переход с нашей стороны?

— Ну, у вас там арки. Десять штук. Я считала. Нам это что-то даёт?

— Не знаю, может быть.

Позади скрипнула калитка.

— Если бы мы только могли попасть в Тауэр, я уверен, решение нашлось бы сразу.

Статуя слегка раздражала Соню: то же место, та же поза, но незнакомое лицо. Неправильно это. Если уж копировать Изначальный уровень, то делать это точно.

— Неточная копия. Грей! Ты мне утром говорил, что Иглы идентичны на обоих уровнях!

— Э-э-э, да, нас так учили.

Скрип.

— Тогда нам и не нужно внутрь вашей. Мы не найдём там ничего нового!

Скрип-скрип.

— Да что же это такое, — рассердилась Соня: она ужасно боялась упустить только-только сформировавшуюся идею, а этот скрип сбивал. — Ходят туда-сюда, думать мешают.

Скрип-скрип. Калитке не было дела до Сониных мыслей, её забота — пропускать прохожих. Девушка обернулась на скрипящую нарушительницу спокойствия и застыла. Давешняя привычка вернулась.

— Грей, я знаю, — медленно, по слогам, прознесла она, — я знаю, как мне вернуться.

— Я не понимаю.

Соня повернулась к нему и затараторила:

— Эта калитка. Она открывается в одну сторону и сразу же в другую. Смотри, вот! Так почему переход не может так же? Как я раньше не подумала? Ну, вроде как толкнули — он открылся с Изнанки на Изначальный уровень, а потом раз, и в обратную сторону. Это точно должно так работать. Тем более, если Тауэры идентичны, то в вашем — те же инструкции, та

же часовня и арки. Я не знаю, какая там связь, между переходом в иной мир и этим вашим Садам Круга, но...

— Садам Цикла, — перебил её Грей. — Прямая. Это жизненный цикл, в нем десять этапов: рождение, младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, вторая молодость, старость, смерть. Поэтому там десять дорожек и десять арок: пройдя по каждой, ты замыкаешь жизненный цикл.

— Очень познавательно, — язвительностью Соня не отличалась, но сейчас как-то к месту пришлось. — Так, хорошо, значит, связь с иным миром тоже присутствует. Все сходится! Сколько сейчас времени?

— Половина десятого.

— Отлично! Значит, мы успеваем сильно с запасом. Поехали! — позвала Соня: ей не терпелось оказаться поближе к переходу. — Метро же там, да?

— Да, — в голосе Грея снова чувствовалось напряжение, — но нам туда не надо. Метро для экстремалов, а тебе хватит на сегодня адреналина. Лучше на автобусе, так надежнее.

— Как скажешь. — Соня пропустила мимо ушей часть про экстрим и адреналин, мыслями она уже была у перехода.

Казалось, дорога тянется бесконечно. Дай Соне волю, она бы выпрыгнула из автобуса и подталкивала его, чтобы тот ехал хоть чуть-чуть быстрее. За своим нетерпением она совсем не замечала, как мрачнел Грей. Наконец показался Сад Цикла. Двери автобуса едва успели открыться, как Соня уже была на улице.

— Идем, — поторопила она парня, — ну же!

Нехотя он пошел следом.

«Домой, домой, домой», — в такт шагам билось в голове у Сони. Скорее. По бульжной дорожке, мимо вязов, мимо данторн, в самую глубь, к фонтану.

— Какая арка?

— Вот эта, со львами, — еле слышно пробурчал Грей.

— Конечно, какая же ещё, могла бы сама догадаться! Да что с тобой такое?

Молодой человек молча смотрел под ноги.

— Ну же, Грей! Что не так?

— Я больше тебя не увижу. — Соня едва разобрала слова.

— Что? Прекрати, конечно, увидишь! Откуда такие мысли?

— Ты сама сказала. Там, в саду. Что хочешь, чтобы это оказалось сном, ну, и так далее.

Соня глубоко вдохнула. Выдохнула.

— Послушай, я была напугана, расстроена. Я боялась, что не вернусь домой. Но теперь ты от меня так легко не избавишься, слышишь?

Грей недоверчиво смотрел на девушку.

— Правда?

— Правда, — рассмеялась Соня. — Ты ещё сам будешь жалеть, что оказался вчера вечером в Садам Цикла.

— Это вряд ли, — возразил Грей, заметно повеселев. — Итак, уже почти одиннадцать. Ты готова?

— Более чем.

За внешней бравадой скрывалось беспокойство: а вдруг не сработает; а вдруг, она где-то ошиблась. Маленький червячок сомнения деловито грыз девушку изнутри.

— Вот только что-то не дает мне покоя, — медленно проговорила Соня.

— Эй, ты просто нервничаешь. Ты сама так чётко всё разложила: калитка, толчок туда — толчок обратно, вход и выход, идентичные Тауэры. Всё получится.

Соня морщила носик. Что-то Грей сейчас сказал. Калитка... вход... выход... Стоп! Калитка!

— Грей, ты гений! Толчок туда, толчок обратно! Поэтому и арок у вас тут десять, а не одиннадцать. Не смотри на меня так, я помню про жизненные этапы. Но наверняка это просто красивая теория. Переход не может быть открыт одновременно в обе стороны, иначе можно столкнуться в «дверном проёме». Туда он открывается в десять минут!

— Ты уверена?

— Да! — ответила Соня и запнулась. — Нет. Я не знаю.

— В любом случае времени на раздумья больше нет. Или оно сработает, или... Не будет никакого «или», — Грей перебил сам себя, — оно сработает, а я буду ждать твоего возвращения.

Неожиданно Соню осенило.

— Пойдём со мной! Ты посмотришь на мой мир, с Тимохой познакомишься, пойдём!

— Нет! — слишком поспешно отказался Грей. — Нет времени на пререкания. Девять минут. Или сейчас, или застрянешь тут ещё на день. Возвращайся!

— Но почему? — Соня была в растерянности.

Грей подтолкнул её к арке.

— Поторопись!

Львы. Прикоснуться. Вдох. Выдох. Соня сделала шаг.

* * *

Поодаль, в тени старого развесистого вяза, стоял человек с татуировкой черного пера на шее. Он, не отрываясь, смотрел в исчезающую спину девушки. Руки сжались в кулаки, желваки заходили, в глазах мерцала едва сдерживаемая ярость.

Из книги Пророчеств.

Пророчество девятое, изъятое.

«Мать троих, из надлунного мира впервые вошедшая,

Младшей ведомая, хаос и мрак разольет в год огня.

Волей пера Азраила погибель со старшей нашедшая,

Сумрачный рок укротит, в год девятый со средней уйдя»

Из декрета ареопага Ока

«О принципах»

«Пророчество девятое полагать ложным, ибо изложено чужеродным слогом. Всякое женское присутствие в Оке исключить, во избежание вероятного злодеяния, совершенного по неразумию и в пользу мнимой ветви пророчества».

Вытянувшись по стойке смирно, комтур Макс отчаянно боролся с желанием что-нибудь сломать. А ещё лучше кого-нибудь. Ареопаг Ока заседал уже битый час, и за всё это время не было сказано ровным счётом ничего: убогая пародия на гомеровский эпос.

Песнь девятая. Бичевание комтура.

Верховный архон:

Не внемлешь ты гласу мудрейших, тебя наставляющих,
Отринув смиренность, погони вкушаешь безумие.

Первый архон:

Невольник отмщенья, отринь святозарные очи
Прочь и вкуси амброзической пищи прощения!

Седьмой архон:

Ибо нарушил ты волю старейших, из Ока испешую;
Мы, негодуя, восстанем в порыве едином карающем.

Третий архон:

Ринувшись вслед, прогневил ты наследие ворона.
Гордыней пылая, забыл о великом деянии.

И так без остановки. Архон сменял архона, слова менялись местами, но с мертвой точки сдвинуться никак не удавалось. Комтур не выдержал.

— Мы можем нормально поговорить? Здесь нет ни одного низшего члена Ока, — голос звенел от нескрываемой злости. — Нам надо решить проблему. А поражать своим красноречием будете новичиев на Посвящении да минервалов на Испытании. А с меня довольно!

Круто развернувшись, он стремительно направился к выходу.

— Стоять! — прогремело сзади.

Даже на секунду комтур не замедлил движение.

— Вернись, — прозвучало уже спокойнее и с едва уловимой усталостью.

Макс остановился. Медленно обернулся. За столом сидел только Верховный архон, похоже, гордость остальных не позволила им смириться с непокорством своенравного комтура.

— Это какой-то бесконечный цирк!

— Макс, прояви хоть малейшее уважение к ареопагу. Они не просто так оказались здесь, и каждый из них имеет гораздо больше права злиться на тебя, чем ты на них.

— Если публичная порка ещё не окончена, то я пойду. — Снова порыв к двери.

— Сядь! — ледяная строгость тона не оставляла и намёка на очередное неповиновение. — Ты прав, есть проблема — необходимо решение. Но ты прокололся, и сильно, и повторная ошибка абсолютно неприемлема.

— Я понимаю, — неужели архону послышалось раскаяние? Да нет, показалось. — Сработала система безопасности Иглы, я среагировал быстрее, чем просчитал последствия.

— Ты не зелёный минервал, чтобы полагаться на реакции, а не суждения. Был приказ

снять всякое наблюдение с Грея. Всякое, Макс. Это не прихоть, это обдуманное решение ареопага. Чего ты добивался?

Следующая фраза далась комтуру с особым трудом.

— Я приношу ареопагу свои извинения за то, что подверг риску всю операцию. Впредь этого не повторится.

— Ареопаг принимает твои извинения, — тема была закрыта. — Что будем делать с девчонкой? Она мешает.

— Я так понимаю, у нас не очень много вариантов?

— В целом, да. Её не просчитывали, а любой неизвестный фактор может повлиять самым непредсказуемым образом. Более того, уже повлиял, аналитики с ночи вычисляют возможные последствия. Она должна быть исключена из любой вероятности, и быстро.

— А аналитики, часом, не вычислили, как найти её на Изначальном уровне? Шанс, что она снова окажется в точке связи, не слишком велик.

Верховный архон сарказма не оценил.

— Это не входит в их обязанности, комтур!

«Безусловно, в их обязанности входит сидеть и наблюдать, как компьютер рассчитывает вектор плотности потока вероятности. Крайне утомительно», — эту мысль Макс осмотрительно оставил при себе.

— С этим не поспоришь. Вечером я приступаю.

— Предупреди канцелярию, чтобы внесли изменения в график переходов. У нас в последнее время что-то много накладок, а в этом деле всё должно пройти чисто.

Комтур кивнул, резко вскочил, ещё мгновение, и за ним захлопнулась дверь.

Похоже, двигаться с общечеловеческой скоростью он не умел в принципе.

* * *

Две минуты. Тридцать два вдоха и выдоха. Сто сорок ударов сердца, и Соня будет гораздо ближе. Тим стоял перед воротами. Одна минута тридцать секунд. Он не думал, не планировал, стоял и ждал. Одна минута десять. Казалось, что повеяло холодом. Одна минута три секунды.

Соня шагнула из ворот.

— Ты! — вскрикнул Тим и сгреб сестру в охапку. — Господи, ты живая. Где ты была? С тобой всё в порядке?

— Тимох, отпусти, — рассмеялась Соня. — Всё хорошо. Как ты здесь оказался? Да отпусти же! Я никуда не денусь.

Парень неохотно подчинился. Радость встречи сменилась справедливым гневом.

— Больше никогда так не делай, это понятно? Не вздумай! Это был твой первый и последний раз! — Серые глаза сверкали пострашнее папиных, когда тот злился.

— Прости, я не думала, что так выйдет.

— Ты вообще о чём-нибудь думала? — тон слегка смягчился.

— Не особо, — честно призналась путешественница.

— Кто бы сомневался, — теперь осталась лишь напускная суровость. Всё-таки возможность видеть её рядом, живой и улыбающейся, искупала переживания предыдущего дня. — Где ты была?

— Мелкий, ты не поверишь!

Рассказ занял всю дорогу домой, пару кружек растворимой коричневой бурды, удачно нашедшейся в глубине кухонного шкафа, и ещё немного. Когда Соня закончила, время близилось к полудню.

— Тебе надо поспать!

Такой строгий голос. Куда делся её маленький братец-раздолбай? Разительные перемены всего за сутки. Спорить не хотелось. Укутавшись одеялом, Соня мгновенно уснула.

Часы на стене показывали семь. «Это уже утро или ещё вечер?» — Повернувшись, девушка обнаружила спину брата, сгорбившуюся над ноутбуком.

— Тим? — позвала она. Никакой реакции.

— Тимох! — чуть громче. Результат тот же.

— Мелкий!

Спина вздрогнула.

— Проснулась? — не отрываясь от экрана, спросил брат. — Рано ты. Я там сходил, на столе.

Соня посмотрела в указанном направлении: пакет из Теско, стакан с кофе. В животе радостно заурчало.

— Ты сам-то ложишься? — Увоенное в детстве правило «не говорить с набитым ртом» временно утратило актуальность.

— Не-а. Не до того было. Ты поешь пока, я сейчас.

Ужин, оказалось, что это именно он, прошел в тишине.

— Так, всё. Смотри, что получается. Яллара, или билби, или малый кроличий бандикут. Мнение Интернета неоднозначно: по одной версии, эта помесь кенгуру с кроликом вполне себе обитает в Центральной Австралии, по другой — они благополучно вымерли где-то в тридцатых годах прошлого века в Южной Австралии. Но это детали. Главное, эти недохищники абсолютно реальны.

— Погоди-погоди, ты чем всё это время занимался?

— Сама-то как думаешь? — ухмыльнулся Тим. — Продолжать?

— Ты не исправим! Ага, давай дальше.

— А дальше у нас лавка. Тут всё ещё менее определенно, но совершенно точно, что в МТИ ученые работали над этим материалом. Там мужик, сейчас, ага, вот он, некий Тимоти Лу, доцент по вопросам электротехнической и биологической инженерии, рассказывает, что они взяли бактерию кишечной палочки, потому что она вырабатывает специальные волокна. Ученые над ними поколдовали, и те смогли удерживать наночастицы золота. Но до производства садовой мебели нам ещё, как до звезды.

— Что-то мне подсказывает, что с зарядкой телефона из воздуха та же история? — Соня успела вставить пару слов, пока Тим набирал воздух для продолжения лекции о научных разработках.

— А то! Реально можно извлекать энергию из радиоволн. Технология называется RF-DC. Но есть проблема: в большом городе слишком велика вероятность остаться вообще без связи. Поэтому это дело в серию не пошло. Похоже, на Изнанке проблему каким-то образом решили. Что у нас осталось? Ага, Алан Тимоти Гиббс и его автомобиль-амфибия.

— Тим, — перебила сестра, — я уловила идею. Но вот скажи, ты зачем во всём этом копался?

— Сонь, у меня нет оснований тебе не верить, но вся эта история, как бы это помягче,

слегка фантастическая.

— Есть такое дело, — пришлось признать правоту брата.

— Я проверил, что было возможно с этой стороны. Но остальное, — Тим замялся.

— Что остальное?

— Тебя не смущает, что ты буквально свалилась под ноги человеку, который так много знает? И он оказался невозможным душкой: посреди ночи подорвался ни с того ни с сего тебе помогать, на следующий день с утра пораньше примчался. Эдакий Чип, Дейл и Капитан Америка в одном флаконе?

— Не смущает, — Соня была настроена решительно протестовать. — Во-первых, существуют совпадения и элементарное везение: я могла неделями слоняться по Изнанке в поисках хоть кого-нибудь, кто обладает подобными знаниями, и не факт, что нашла бы. Вероятнее, наткнулась бы на члена этого треклятого Ока.

— Кстати, об Оке...

— Как ты там говорил? Три минуты ты молчишь и не перебиваешь, договорились?

— Я так не говорил.

— Просто не перебивай, пожалуйста, — смутилась девушка, осознав, что процитировала Грея. — Во-вторых, мы же не знаем, вдруг там каждый второй в курсе.

— Это вряд ли, тогда бы они так не охраняли Тауэр.

— В-третьих, — пропустила замечание мимо ушей старшая сестра, — хороших людей гораздо больше, чем тебе кажется. И наконец, в-четвертых, тебе тоже надо бы поспать. Утром я готова продолжить спор, но сейчас всё, отбой!

Пока Соня загоняла брата в постель, она поняла, что и сама не окончательно выпалась. До утра в их маленькой квартирке на Олд Комптон-стрит звучало лишь тихое посапывание.

* * *

С завидным упорством часы на стене показывали семь. «Теперь-то уж точно утро», — подумала Соня. Будить Тима не хотелось, он заслужил выспаться, и наплевать, что прогуляет очередное занятие. Она тихонько выбралась из кровати, стараясь не шуметь, оделась, взяла в руки мел и задумалась. Страшно подмывало написать что-нибудь типа «увидимся на той стороне», но решила, что брат пока не готов к шуткам на эту тему. Пришлось ограничиться нейтральным «ушла за кофе».

Кофейня открывалась в восемь. Соня стояла около двери, разглядывая в витрине отражение улицы. «Как всё-таки странно! Та же высотка Сентр-пойнт, те же дабл-деккеры, так забавно искривляющиеся в стекле, те же ранние прохожие, которым я улыбаюсь здесь каждое утро, та же самая я...» На этом мысль притормозила. Будучи стопроцентной девочкой, Соня принялась придирчиво оценивать своего витринного двойника. Волосы, конечно, как обычно, в беспорядке. Сколько раз она пыталась уговорить хоть одного парикмахера отрезать ей половину длинны, но им всем, видите ли, «жалко». Но в глубине души девушка всегда этому радовалась, поскольку в тайне гордилась своей длиннющей темной гривой. Покрутившись, решила, что временно можно приостановить борьбу за идеальный вес и позволить себе утренний торт. В целом оставшись довольной результатами осмотра, Соня вернулась к прерванной мысли.

«Та же самая я: карие глаза, чуть вздернутый нос...» Мысли опять пришлось подождать:

«А, кстати, почему у меня глаза темные, а у мелкого светлые? Можно подумать, мы и не родные вообще. И почему я раньше об этом не задумывалась? Хотя на биологии классе в седьмом что-то рассказывали о доминантных и рецессивных... нет, рецендентных, не помню. Реце-чего-то-там генах... Но кто же слушал-то? О, а что за пятнышко? Или это на стекле?» Практически прилипнув к витрине, девушка придирчиво рассматривала свой нос.

— Если зайти внутрь, то выбирать будет удобнее, — открыв дверь кофейни, ей приветливо улыбнулся официант.

Глупо вышло. Смущаясь, Соня быстро сделала заказ, забрала пакетик с выпечкой, стакан с кофе и спешно покинула кафе. Устроившись на лавочке на Сохо-сквер, она снова вернулась к недодуманной мысли.

«Я та же самая, город тот же самый. И даже голуби наверняка те же, что были тут три дня назад. Но на самом деле всё совсем не так! Взять хоть этот парк, который вовсе и не парк, а точка связи. И любой из прохожих может оказаться не тем, кем кажется, а членом этого непонятного Ока». Соне стало не по себе. Впервые в Лондоне она почувствовала себя неуютно. Это неприятное ощущение, как говорят англичане, как будто кто-то прошёл по твоей могиле. Соня вздрогнула: размеренную утреннюю истому Сохо разрезал резкий звук удара и бьющегося стекла. Авария? Здесь? Да тут никто быстрее десяти миль в час не ездит. Немногие посетители парка поспешили к месту столкновения, кто-то помочь, кто-то поглазеть, а Соня не могла сдвинуться с места: там, прямо за помятыми автомобилями, стоял человек с татуировкой пера на шее и в упор смотрел на неё. Не прошло и секунды, как он сорвался с места, и Соня побежала. Он быстрее и сильнее, но до дома недалеко, а у неё преимущество величиной в длину парка. Первый перекресток, впереди второй. Только не оборачиваться. Тут налево, до двери считанные метры. Главное, успеть, пока он не повернёт. Влетела в подъезд, замерла за дверью, боясь даже вздохнуть. Прошла минута, ещё одна. Тишина. Похоже, она успела. Теперь скорее наверх, будить Тимоху.

— Просыпайся! Да просыпайся же ты! — нещадно пинала брата Соня. — Он здесь! Надо что-то делать. Он следил за мной, а там авария. И я побежала. Я успела, но он там.

Тимоха моргал сонными глазами и не успевал за шквалом Сониных слов.

— Кто здесь? Какая авария?

Соня глубоко вдохнула. Выдохнула. Села в кресло, но сразу вскочила. Движение было ей прямо-таки жизненно необходимо. Она постаралась говорить медленно и не перескакивать с одного на другое.

— Ты спал. Мне стало жалко тебя будить, и я пошла завтракать в парк. На Сохо-сквер, — меряя шагами комнату, объясняла девушка. — Там случилась авария. Это странно, я согласна, я там вообще движущуюся машину видела раза два в жизни. Но только благодаря этой аварии я его заметила. Того мужика, с пером. Тимох, он за мной следил, это точно. Но почему? Что я такого сделала?

— Успокойся, ты дома, всё в порядке, — Тим окончательно проснулся. — Что дальше?

— А дальше он побежал, и я тоже. Но я была с нашей стороны парка, и вроде я успела до того, как он повернул на Олд Комптон. Я подождала за дверью пару минут. Он не появился. Это всё.

— Что тебя вообще понесло на Сохо-сквер, а? Если это точка связи, то вероятность наткнуться там на кого-нибудь из Ока очень велика, нет?

— Ты прав. Но я не думала об этом. Чёрт, Тимох, я там лет пять завтракаю! Это привычка.

— Что-то мне подсказывает, что с привычками придется расставаться, — проворчал

Тим. — Думаешь, он всё ещё там?

— Не знаю. Но боюсь, что да. Может, постучим Мостину? У него окна на ту сторону выходят.

— Время сколько? Девяти ещё нет? Не вариант.

— А давай, ты сходишь? — воскликнула Соня, обрадовавшись осенившей её идее. — Он же не знает, как ты выглядишь! А ты его точно не пропустишь!

— Логично.

Тим собрался выходить.

* * *

Лондон большой. Найти в нем человека, не зная ничего, кроме внешности, нереально. Но ареопаг это не интересуется, им подавай результат и желательно вчера. Макс злился. Эта девчонка его невероятно раздражала. Она оказалась в ненужное время в ненужном месте. Но как спустя всего пару дней после нелепой случайности с пером она умудрилась попасть на Изнанку? За всю историю Ока это не удавалось никому с Изначального уровня. Даже Иглы здесь не было смысла прятать от публики. Местные не обращают внимания ни на что, что выходит за рамки их представлений о «нормальности». У каждого свой мирок, свои устои: вот это хорошо, это плохо, это реально, это невозможно. Не то чтобы комтур осуждал такое отношение к жизни, ему-то это только помогало в работе, скорее его удивляла подобная избирательная слепота. Откуда только взялась эта девица? Как она вообще нашла инструкцию? Как разобралась? Ареопаг прав, она мешает, она не вписывается в рамки. С ней надо разобраться. Но как её здесь найти? Ждать каждый вечер у перехода в надежде, что она решит вернуться на Изнанку? Терпение не входило в список добродетелей комтура. Впрочем, список этот был настолько мал, что вряд ли в нем можно было отыскать и пару пунктов. Кроме того, Макс не был готов упустить шанс решить проблему в кратчайшие сроки.

Силу совпадений серьёзно недооценивают. Аналитики вроде вывели определенные закономерности, но комтур не вникал в научные разработки. Он предпочитал практический подход: это работает, это не работает. Очевидно, что начать поиски стоило в точке связи. Если она появилась там один раз, вполне могла появиться снова, как бы Макс ни язвил на эту тему в разговоре с архоном.

Шанс шансом, но на такую удачу комтур не рассчитывал: в первый же день, спустя лишь несколько часов ожидания, она оказалась практически на том же месте. Оставалось лишь проследить, дожидаться момента, когда она окажется одна в безлюдном месте, и всё, вечером можно возвращаться в Око, доложить об успешном завершении операции и вплотную заняться Греем.

Каким образом меньше чем за минуту весь план полетел к чертям? Авария на ровном месте!

— Иррумабо! — рывкнул Макс, который не любил современных ругательств: они казались ему недостаточно выразительными.

С наблюдением было покончено, пришлось спешно менять план. Макс ринулся к девушке. Она маленькая совсем и не выглядит слишком спортивной. Комтур не сомневался, что догонит её без проблем. Но как быть со всеми свидетелями вокруг? Она же будет

верещать на пол-улицы. Повернула. Ускориться, чтобы не потерять.

— Иррумабо!

Да что не так с этой девчонкой? Улица была пуста. Рабочий с лестницей наперевес и сосредоточенно спешащий клерк не считаются. Макс с силой ударил ближайшую стену.

«Так, хорошо. Успела бы она добежать до конца улицы и повернуть? Однозначно, нет. Значит, она где-то здесь. А судя по тому, что она опять в парке рано утром, вряд ли это просто прогулка, вероятно, она тут живет. Итак, десять домов с одной стороны, шесть с другой. По-хорошему на то, чтобы забежать в подъезд и закрыть дверь до того, как повернул я, у неё было не больше десяти-пятнадцати секунд. То есть все дома в конце улицы исключаем. Остаётся что? Пара домов по правую руку и не больше четырех по левую. Не такой уж и плохой расклад».

Проверять каждый комтур не собирался. Во-первых, незачем привлекать к себе излишнее внимание. Более того, сложно придумать повод, который заставит бдительных лондонцев открыть дверь незнакомцу и впустить его в подъезд. А во-вторых, рано или поздно она выйдет из дома сама. С очень большой натяжкой можно назвать засаду любимым времяпрепровождением нетерпеливого комтура, но в данной ситуации она была оправданна. Оставалось найти удачную точку обзора. Макс усмехнулся. Очень символично: паб «Три борзых». Мироздание иронии не оценило. Паб открывался в одиннадцать. Что ж, соседняя «Богемия» сойдет на пару-тройку часов. Она проигрывала «Борзым» в расположении, но выбирать Максиму не приходилось.

* * *

Соня потихоньку сходила с ума. Тимохи не было уже больше часа. Наверное, первый раз в жизни он вышел из дома без телефона. Сначала она просто нервничала, потом принялась рисовать себе страшные картины чуть ли не гибели брата (с воображением у барышни было всё в порядке), затем впала в натуральную панику. Когда Соня уже готова была выбежать на поиски, дверь открылась. Тим вернулся довольный, улыбающийся, без малейшего намека на воплощение в реальность хоть одного из расписанных сестрой сценариев.

— Где ты был? — набросилась на него Соня.

— Я разведывал! — гордо расправив плечи, заявил Тим. — Эй, ну ты чего? Не дерись! Ладно, ладно, извини! Я ещё позавтракал. Но в стратегически важном месте.

Соня, вдоволь поколотив брата, рухнула в кресло.

— И?

— И ничего. Сонь, там нет никого, даже отдаленно напоминающего твоего мужика. Я прошел туда-обратно, позавтракал, прошел ещё раз. Нет его. Я так подозреваю, что он решил, что потерял тебя и просто ушёл или побежал искать дальше.

— А если нет? Если он прячется?

— Где он прячется? Ты нашу улицу себе хорошо представляешь? Где там можно спрятаться? Сонь, мне кажется, ты уже перегибаешь палку.

— Может, ты и прав. Тимох, мне страшно. Я не знаю, кто он, чего ему от меня надо.

— Я вот сейчас сам не верю, что говорю это, но логично спросить обо всём Грея.

Соня удивленно уставилась на брата.

— Ты предлагаешь вернуться на Изнанку? К человеку, который, как там это было? Ах да,

«посреди ночи ни с того ни с сего подорвался мне помогать»?

— Не ёрничай! Я чуток погорячился вчера. В любом случае этот твой Грей...

— Он не мой! — возмутилась Соня.

— Этот не твой Грей единственный, кто может помочь разобраться, что происходит. Согласна?

Соня была не просто согласна, она только сейчас осознала, что рвалась обратно на Изнанку ровно с той минуты, как вернулась домой. Признаться в этом мелкому она не собиралась, поэтому постаралась изобразить мучительный мыслительный процесс. Судя по ехидному выражению лица брата, ей не очень удалось.

— Слушай, если этот мужик с пером с Изнанки, как думаешь, мы с ним у перехода не столкнемся?

В этом было здоровое зерно. Тим задумался.

— Там еще и место такое, ни кафе, ни пабов. В самом саду прятаться тоже не вариант. Мне как-то не улыбается оказаться лицом к лицу в темноте с твоим новым знакомым.

Соня терпеливо молчала. Понимала, что чем меньше она сейчас будет выступать, тем быстрее брат найдёт решение.

— От метро до сада тоже прилично топать, причем по совершенно безлюдным улицам. Значит, нам остается что? — Тим вопросительно посмотрел на Соню. Та, затаив дыхание, ждала продолжения. — Правильно, нам остается такси. Мы попросим его подождать за углом пять минут. Если мужика в саду не будет, то пройдем. В противном случае у нас в запасе готовый путь к отступлению.

— И что мы будем делать, если он там и заметит нас? Тогда вариантов попасть на Изнанку у нас не останется.

— Оптимистка ты моя. Давай решать проблемы по мере их поступления, ага? Вот когда возникнет твоё «если», тогда и будем думать. И не забывай, глобально мы всегда можем улететь домой в Москву.

Такая перспектива Соню совсем не прельщала. Ну что же, теперь только считать часы до вечера и надеяться, что Тимохин план сработает.

* * *

Редко Максу выпадали более дорогостоящие засады. Впрочем, и более питательные — тоже. Десять часов ожидания вылились в классический бургер с говядиной, пирог с курицей и грибами, три сэндвича с ветчиной и горчицей, шотландский овощной суп, карамельные профитролы с мороженым. Бесконечные оливки, луковые кольца и чесночный хлеб не считаются. В целом несмотря на то, что было вкусно, день прошел впустую. Пора было расплачиваться и уезжать. Завтра предстояло повторить.

У синей двери на противоположной стороне улицы остановился кэб. Макс притаился за дверью. Чутьё комтура подводило крайне редко: спустя несколько минут дверь открылась. Как он и предполагал, девчонка. Но не одна. Очередное осложнение. Она их себе по росту, что ли, выбирает: чем выше, тем лучше? Этот был вылитый Грей, только слегка тощеват. А так практически брат-близнец. Пока местный ухажер усаживал его цель в такси, Макс лихорадочно соображал: «Поймать такси я могу только после того, как они отъедут, иначе эта глазастая бестия меня заметит. Преследовать не выйдет. Соответственно, гадать. Это, при

всей удаче обеих уровней, невозможно. Единственное место, куда меня не устраивает, что они поедут — это переход. Начало одиннадцатого. По времени самое то. Да чтоб тебя! Они собрались на Изнанку». Лишь только их кэб скрылся за поворотом, комтур озаботился собственным транспортом.

— Сады Креморн. Чем быстрее, тем лучше.

Едва такси пересекло перекресток Эдит Гров с Кинг-роуд, Макс понял, что не успевает. Уже в который раз за последние дни. Впереди виднелся припаркованный кэб. Явно девушка приехала на нем и, по всей видимости, оставила водителя ждать на случай засады. «Умная», — констатировал комтур. Выскочив из машины, он перепрыгнул забор, словно тот был высотой с садовую скамейку, и мгновение спустя оказался почти у ворот.

— Иррумабо!

Эти идиоты стояли перед переходом вдвоём, взявшись за руки.

— Нет! Стойте! — у комтура вырвался бессильный крик отчаяния.

* * *

Таксист оказался на редкость сговорчивым: согласился их ждать хоть полночи, главное — деньги вперед. Тим уладил финансовый вопрос, и они направились к саду.

— Тихо. И никакого движения, — без особой уверенности произнесла Соня.

— Вряд ли он там поёт и танцует, — парировал брат. — Ладно, чего гадать, полезли.

К счастью, никаких следов преследователя они не обнаружили.

— Тимош, я вот только сейчас подумала, а как мы найдём Грея? Я не знаю ни его фамилии, ни адреса.

— Очень своевременная мысль. Помнишь, что я говорил про «по мере поступления»? С тех пор ничего не изменилось.

Соня видела в глазах брата такой характерный для них обоих огонёк азарта. Никакие аргументы не помешали бы ему сию секунду шагнуть на другую сторону.

— Вместе? — Тим протягивал сестре руку.

— Вместе.

Ворота похолодели. Сзади раздался крик:

— Нет! Стойте!

Вздрогнув, Соня обернулась. Её утренний кошмар бежал к ним.

— Поздно, — прошептал Тим, крепче сжав руку сестры. — Сейчас!

Они прошли в переход.

Первое, что увидела Соня на Изнанке, это уже знакомый каменный фонтан, а на нём...

— Грей! — радостно воскликнула девушка и тут же почувствовала, как Тим падает.

Грей в два прыжка очутился рядом.

— Давай, я помогу.

Он легко подхватил Тимоху под мышки и оттащил к ближайшей лавочке.

— Что с ним? Он ранен?

— Нет! Я не знаю, — выкрикнула Соня на грани истерики. — Он вообще дышит?

Грей проверил у парня пульс.

— Похоже, что он крепко спит или в обмороке. Какая странная реакция на переход.

— Ему надо к врачу, — сказала Соня, практически взяв себя в руки. — У вас есть тут

«Скорая помощь»?

— Есть, но что мы там скажем? Потерял сознание при переходе с Изначального уровня? Нас с тобой благополучно отправят в психиатрическое отделение. И потом, мы даже не знаем, вдруг у нас физиология отличается? Или кровь? У него и датчиков-то наших нет.

— Да мне наплевать! — девушка была непреклонна. — Моему брату плохо. Ему нужна помощь. С формальностями потом разберемся. Скажем, что человеку стало нехорошо на улице. Чего у него нет?

— Датчиков. Это такая система беспроводной телеметрии, чтобы контролировать состояние здоровья. Может, я тебе потом подробности расскажу и покажу приложение, которое это дело отслеживает? Факт остаётся фактом, эти датчики есть у всех, даже у бездомных. Мы не можем везти его в больницу. Мне очень жаль.

— Что же делать?

Грею не понадобилось на размышление и секунды.

— Отвезем вас ко мне. Если это обморок из-за перехода, то скорее всего он придет в себя ещё до того, как мы доедем. В крайнем случае он спокойно отлежится до завтрашнего вечера, и мы отправим вас обратно. Ваши врачи разберутся, что с ним не так.

Соня не стала возражать. Грей снова подхватил Тима, сестра поддержала его с другой стороны. У выхода из сада стояла старенькая «Фиеста».

— Что случилось с амфибией? — удивилась девушка.

— Я не рискнул за ней возвращаться. Мало ли. Взял вот пока напрокат.

Они уложили Тима на заднее сиденье. Та ещё задачка оказалась: маленькая машинка явно не предназначалась для перевозки практически двухметровых молодых людей в глубоком обмороке. Какое-то время ехали молча. Наконец Грей не выдержал.

— Ты вернулась, потому что что-то случилось?

— Да. Но не только, — поспешила добавить девушка. — Я хотела вернуться.

Уголки губ Грея на мгновение приподнялись, но тут же вернулась озабоченность.

— Расскажи, что произошло.

Соня старалась говорить по существу. Грей слушал внимательно, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Чем дальше, тем больше он мрачнел.

— Это всё моя вина, — выдал он категоричное резюме.

— Твоя? Но почему?

— Видишь ли, — слова явно давались ему с трудом, — я был членом Ока. Достигнув определенного уровня, я получил доступ к информации, о которой раньше и не подозревал. И это оказалось для меня неприемлемым. Я ушёл. Вернее, мне казалось, что ушёл. Но Око просто так никого не отпускает. Похоже, я очень сгруппировался с этой выходкой у Тауэра. Наверное, тебя засекли камеры. Но чтобы посылать за тобой Макса? Почему комтура его уровня? Здесь есть что-то ещё, чего я не понимаю.

— Что за информация? И кто такие комтуры? И что такое, в конце концов, это Око?

Вопросов у Сони было гораздо больше, но она себя вовремя одёрнула.

— Вернулась Мисс Любопытство? — предпринял Грей немного неуклюжую попытку разрядить обстановку.

— Вроде того. Не отвлекайся. Пожалуйста.

— Начнем с конца. Что такое Око. Изначально для меня это был дом. Мои родители погибли, когда я был совсем маленьким, — начал Грей и заметил, как у Сони изменилось выражение лица. — Не переживай. Я был младенцем и совсем их не помню. И потом, дети в

Оке все такие. Туда можно попасть, только если ты мальчик, потерявший родителей в первый год жизни. Впервые оказавшись в Оке, ты становишься новичком. Это вроде послушника или студента. На самом деле это был самый лучший период в моей жизни. Они делают всё, чтобы мы полюбили Око, росли в него, воспринимали его как часть себя.

— Грей, — мягко сказала Соня и положила руку на его запястье, — может, не стоит продолжать? Я же вижу, тебе от этого больно.

— Всё в порядке, извини, я не сдержался, — ответил парень и накрыл её руку своей.

Чуть помедлив, Соня убрала ладошку.

— Нельзя отвлекать водителя, — объяснила она.

— Дурацкие у вас на Изначальном правила, — отметил Грей, заметно повеселев. — Ладно, дальше. В четырнадцать лет новички проходят ритуал Посвящения. Это вроде, я даже не знаю, с чем сравнить. Это просто красивый ритуал. Новичий становится минервалом и начинает готовиться к Малому Испытанию Ока. У каждого минервала есть наставник. Не обязательно индивидуальный, большинство наставников берут себе несколько учеников. Как выяснилось позднее, — голос Грея вновь наполнила горечь, — им просто жалко тратить время на тех, от кого впоследствии избавятся. Вот и страхуются. Но мне исключительно «повезло»!

— Твоим наставником был этот человек с татуировкой? Макс, так ты его назвал? — догадалась Соня.

— Именно. Как же все завидовали! Сам комтур Макс взял меня в ученики. Единственного. Но это совсем отдельная история, ладно?

— Конечно!

— Так вот, когда, по мнению наставника, минервал готов, он проходит Малое Испытание. Как нас учили, у испытания три исхода: Окуляр решает, ты серый, белый или черный.

— Окуляр?

— Это прибор или скорее постройка, но по сути прибор. Он древнее всех Игл. Считается, что Окуляры существуют с сотворения мира и их никто не строил, они просто были всегда. Они очень многофункциональные. Определять принадлежность минервала — не основная их задача. С помощью Окуляра можно отслеживать переход, предсказывать вероятные развития событий, вроде даже следить за Изначальным уровнем, но я не уверен. Говорят, что когда-то очень давно Окуляр даже пророчествовал, но это только легенда. Тебе не очень скучно?

— Ты что? Наоборот! Продолжай.

— В общем, осталось немного. Как я сказал, нас учили, что у Испытания три исхода. Если ты серый, значит, в тебе поровну Изнанки и Изначального уровня, и ты встанешь между ними, приняв на себя обязанности инсинуата Ока, или защитника, стража, как угодно. Ты как-то сравнила Око с полицией и правительством, вот инсинуаты — это как раз полицейские и есть. Единицы из них решаются на Большое Испытание, чтобы стать комтурами. Я не знаю, что там с ними происходит, но учитывая, что комтуров всего девять, вряд ли что-то приятное.

— А белый и черный исход? — подтолкнула рассказчика Соня.

— Черный значит, что в тебе слишком много Изнанки, и тебе заказан путь на Изначальный уровень. Поэтому технологию перехода не рассказывают тем, кто ещё не прошел Испытания. Впрочем, сразу после тоже не рассказывают. Необходимо преодолеть

что-то около четырёх-пяти ступеней, чтобы заслужить свой первый переход. А если белый — значит, в тебе слишком много Изначального, и тебе предстоит покинуть Изнаночный уровень. Но нельзя просто так из ниоткуда появиться на вашем уровне. Понимаешь, со всеми знаниями, полученными в Оке, не получится смешаться с толпой. Поэтому комтуры находят человека, желательно с амбициями, аккуратно устраняют его, и белый с Изнанки занимает освободившееся место.

[Купить полную версию книги](#)